

ГОРЫ И УЩЕЛЬЯ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ.

I.

Страна между Эльбрусомъ и Казбекомъ.—Верховье рѣки Нальчика.—Дѣсѧ и ихъ обитатели.—Ущелье Кизги-чиртъ.—Аулъ Бизинги и его окрестности.—Поѣздка въ верховьями Черека.—Путешествие по леднику Бизинги.—Старыя морены и уменьшение ледниковъ.—Ледникъ Мижирги.—Общий видъ на горы верховьевъ Черека.

Исполинская цѣнь горъ со множествомъ высочайшихъ вершинъ, громадныхъ ущелій, снѣжныхъ и ледяныхъ полей, съ безчисленными лабиринтами скалъ, на которыхъ еще ни разу не ступала нога человѣка, тянется между Эльбрусомъ и Казбекомъ. Стройными, остроконечными пиками, рѣзко выдѣляющимися свою бѣлизной на темнолазурномъ небѣ, представляются эти горы съ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги; но отсюда видны только высшія точки ихъ, все-же остальное скрыто отъ глаза наблюдателя. Нужно пройти еще верстъ 100 въ глубь ихъ, чтобы увидѣть тотъ новый, совершенно особенный міръ со всѣми его грозными и величественными явленіями, гдѣ человѣкъ уже не чувствуетъ себя властелиномъ земли, а скорѣе сознаетъ свое бессиліе и ничтожество. Ни одна душа въ свѣтѣ не знаетъ этотъ міръ не только такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ, но даже сколько-нибудь посредственно. Здѣсь лишь ближайшая ледяная и снѣжная пустыни посыпаются отъ времени до времени охотниками, но за то многія высочайшія вершины, которая своей высотой мало уступаютъ Монъ-Блану, не носятъ даже никакого названія; здѣсь-же много и большихъ глетчёровъ, о которыхъ, кромѣ местныхъ жителей, почти никто не слыхалъ ни слова.

Давно уже я думалъ объѣхать эту интересную страну. Въ восточной ея окраинѣ, именно въ верховьяхъ Ардона, мнѣ пришлось побывать еще года два тому назадъ; теперь-же были на очереди средняя и западная ея части, принадлежащія Пятигорскому округу Терской области.

6 юла 1881 года я вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, студентомъ Д., прибылъ въ Нальчикъ, чтобы здѣсь запастись отъ мест-

наго начальства предписаніемъ, могущимъ гарантировать нась отъ разныхъ непріятныхъ случайностей во время путешествія по горамъ. Съ этой цѣлью я въ тотъ-же день отправился къ окружному начальнику полковнику Полозову; онъ по моей просьбѣ и, вѣроятно, вслѣдствіе распоряженія начальника области, генераль-адъютанта А. П. Свистунова, къ которому я еще раньше обратился съ просьбой оказать содѣйствіе, обѣщалъ выдать мнѣ открытое предписаніе для проѣзда черезъ всѣ горныя селенія его округа. 7-го июля предписаніе, которымъ приказывалось давать мнѣ въ аулахъ лошадей и проводниковъ, съ платою каждому проводнику и за каждую лошадь по одному рублю въ сутки, было уже въ моихъ рукахъ.

У окружного начальника я пріобрѣлъ весьма пріятное для меня знакомство съ княземъ Измаиломъ Урусбіевымъ, человѣкомъ очень наблюдательнымъ, отлично знающимъ горы и нѣсколько разъ уже ъздившимъ съ нашимъ почтеннымъ изслѣдователемъ Кавказа Г. В. Абихомъ, съ англичанами *), восходившими въ 1868 году на Эльбрусъ, и другими путешественниками. Съ нимъ мы было рѣшили ъхать сначала въ его ауль, находящійся у подножья Эльбруса, оттуда отправиться на ледники, спускающіеся съ горъ къ долинѣ Баксана, а потомъ уже пробраться чрезъ Чегемъ и Бизинги въ верховья Черека. По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, нашъ планъ, однако, измѣнился и мы должны были начать съ того, чѣмъ предполагали закончить. Мѣстный приставъ П. Е. Ловинъ предложилъ намъ вмѣстѣ съ нимъ ъхать въ Бизинги, куда онъ отправлялся по служебнымъ дѣламъ, и обѣщалъ устроить все необходимое для нашей поездки на ледники. Конечно, его любезное предложеніе мы приняли съ полнѣйшимъ удовольствіемъ и на слѣдующій-же день, въ 6 часовъ утра, выѣхали изъ Нальчика.

Верстъ 6—7 намъ пришлось ъхать открытой мѣстностью по правому берегу рѣки Нальчика, а затѣмъ вступить въ лѣсъ. Тутъ дорога тянулась почти у самаго берега рѣки, по дну долины, склоны которой покрыты сплошнымъ лиственнымъ лѣсомъ. Съ каждой слѣдующей верстой долина становилась все красивѣе и глубже. Во многихъ мѣстахъ къ ней подходили еще меньшія боковые ущелья и балки и мѣстность, пересѣченная по всѣмъ

*) Фремвильдомъ, Теккеромъ и Муромъ.

направленіемъ небольшими горными кряжами, принимала очень привлекательный видъ.

Лѣсъ танется здѣсь полосою *), идущей параллельно горному хребту и имѣющей верстъ 20 или 25 ширины. Въ нижней области, обращенной къ равнинѣ, онъ представляетъ большое смѣщеніе различныхъ породъ, между которыми преобладаютъ низкостволльные деревья и кустарники. Тутъ растетъ орѣшникъ (*Corylus avellana*), крушина (*Rhamnus cathartica*), яблоня, алыча, ольха (*Alnus incana* и *A. glutinosa*), шишки (*Mespilus germanica*), дубъ, ясень, кленъ и т. д., въ верхней-же области, поднимающейся до 6—7 тысячъ футовъ, преобладаютъ породы высокоствольные, между которыми главное мѣсто принадлежитъ буку (чинарь, *Fagus sylvatica*). Хмѣль, виноградъ, бузина (*Sambucus nigra* и *S. ebulus L.*), *Spirea arguncus L.*, достигающая болѣе сажени высоты, *Heracleum*, папоротники и множество другихъ сорныхъ травъ дѣлаютъ въ лѣтнее время этотъ лѣсъ едва проходимымъ для человѣка, но за то даютъ надежное убѣжище кабанамъ, медведямъ, оленямъ и другимъ звѣримъ, которые водятся здѣсь въ изобиліи. Въ разстояніи верстъ 15 отъ Нальчика флора начинаетъ мало по малу принимать альпійскій характеръ: появляются *Asconitum*, *Betonia grandiflora*, рододендроны, колокольчики (*Campanula*, sp.?) съ очень крупными синими цвѣтами, орхисы и многія другія растенія, свойственные значительнымъ высотамъ. Около Нальчика мы распрошались съ птицами равнинъ и степей: со скворцами, сивоворонками, щурками (*Megops apias tener*), лунями и т. д., а дальше взамѣнъ ихъ встрѣтили лишь очень немного другихъ видовъ, свойственныхъ по преимуществу горнымъ лѣсамъ. Въ одномъ мѣстѣ на дорогѣ видѣли ясно отпечатанные на грязи слѣды медвѣжьихъ лапъ.

Къ 12 часамъ дня мы добрались до верхней границы лѣса и на самой вершинѣ сырта, верстахъ въ 5 къ СЗ. отъ мѣста впаденія Кара-су въ Черекъ **), расположились отдохнуть и закусить. Мѣсто это во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное. Самая свѣ-

*) За этой полосой горы уже скалисты и безлѣсы.

**) На 5-ти верстной картѣ онъ въ этомъ мѣстѣ названъ „Черекъ-тхахъ“, а выше, недалеко отъ верховья—„Урваномъ“. Мѣстные же жители эту реку всегда называютъ просто Черекомъ. Такимъ образомъ въ Пятигорскомъ округѣ два Черека: одинъ вытекаетъ изъ Главнаго хребта, къ З. отъ Дыхъ-тау, и протекаетъ черезъ земли общества Бизинги и Худамъ, а другой — къ В. отъ Дыхъ-тау и течеть черезъ Балкарію.

жая трава со множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ покрывала влажную почву, а воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, что позволялъ съ изумительной ясностью видѣть горы, отстоящія отъ насъ на 20 или 30 верстъ. По всѣмъ направлениямъ отъ этого мѣста разстилались самые красивые горные пейзажи. На С. видны были лѣсистыя балки верховьевъ Нальчика, а на Ю. двѣ высокія горы—Акъ-Кая *) и Кара-Кая. Первая представляла огромную, остроконечную, полосатую скалу, очень круто поднимающуюся вверхъ; посльднія-же съ западной стороны обрывиста, а съ восточной—весьма полога. Обѣ горы раздѣляются глубокимъ ущельемъ Черека. Одно цѣлое съ Кара-Кая составляеть Ить-Кая (собачья скала), обозначенная на пятиверстной картѣ. Еще дальше на Ю. виднѣется Главный хребетъ съ обширными снѣжными полями и бесконечными галлереями скалъ.

Отдохнувъ часа два и покормивъ нашихъ верховыхъ лошадей, мы отправились дальше. Намъ нужно было спуститься къ Кара-су, перейхать ее и продолжать путь по долинѣ Черека. Часть весьма крутого спуска мы прошли пѣшкомъ, потомъ перейхали черезъ Кара-су, поднялись опять немнога и, повернувъ вправо почти подъ прямымъ угломъ, вѣхали въ узкое, скалистое, но весьма красивое ущелье Кизги-чиртъ, черезъ которое прорывается Черекъ. Это, безспорно, самое лучшее по красотѣ мѣсто всей долины. Тутъ почти отвѣсныя известковыя скалы расположены многими отдѣльными ярусами надъ узкимъ дномъ ущелья и чередуются съ другими ярусами, покрытыми травой, кустарниками и деревьями. Далѣе ущелье дѣлается еще скалистѣ и растительность отходитъ совсѣмъ на задній планъ. Черезъ это ущелье проходитъ весьма хорошая, недавно проложенная дорога. Она высыпана въ стѣнахъ ущелья на весьма значительной высотѣ надъ дномъ его. На поворотѣ, о которомъ я уже упоминалъ, Черекъ подмыаетъ скалы. Тутъ, лежа на травѣ съ боку дороги, можно свѣситься такъ, что видна будетъ глубокая пропасть, по которой течеть Черекъ, и совершенно отвѣсная стѣна, поднимающаяся надъ бездной. Въ этомъ-же ущельѣ есть еще интересное мѣсто, гдѣ изъ скалы вода бѣгть множествомъ отдѣльныхъ струекъ. Въ ясный, солнечный день здѣсь замѣчается игра свѣта вслѣдствіе отраженія и преломленія лучей въ капляхъ воды.

*) На картѣ „Акъ-Кая“.

За Кизги-чиртомъ долина снова становится шире. Пройдя ее, мы встречали во многихъ мѣстахъ посѣвы. Горцы очищаютъ болѣе ровные участки отъ камня, изъ которого складываютъ стѣны вокругъ своихъ полей, и сѣютъ преимущественно овесъ и ячмень. Пахатныхъ мѣсть здѣсь крайне мало и потому ими сильно дорожать; кромѣ того, огромнѣйшимъ большинствомъ ихъ владѣютъ князья, а на долю простого народа остается очень немногое. Часто, напр., почти вся земля на 10 или 20 верстъ вокругъ аула принадлежитъ одной знатной фамилии, а бѣдныя семейства не имѣютъ и сотни квадратныхъ сажень. Во многихъ мѣстахъ даже владѣніе пастьбищами, которыхъ, относительно, гораздо больше, также сосредоточено въ немногихъ рукахъ; все-же прочее населеніе можетъ пользоваться ими, но съ условіемъ доставить владѣльцу известное количество сыра, молока, нѣсколько барановъ и т. п. Конечно, и эту дань не всегда бываетъ легко уплатить. Несмотря, однако, на такое неравномѣрное распределеніе богатствъ, здѣсь почти нѣть такихъ полнѣйшихъ бѣдняковъ, какъ у насъ. Это объясняется хорошимъ, нацавна существующимъ обычаемъ, по которому каждый долженъ пособить, насколько онъ можетъ, своему ближнему, если его постигнетъ бѣдность или какое-либо несчастіе. Ему навѣрное наберутъ нѣсколько барановъ, дадутъ на время 1—2 коровы, лошадь,—словомъ, обставить такъ, что онъ будетъ въ состояніи кормить себя и свою семью. Нужно отдать должную справедливость и богатымъ, которые въ этихъ случаяхъ цѣнными подарками оказываютъ иногда своимъ бѣднымъ собратамъ весьма существенную поддержку.

Въ 4-мъ часу мы проѣзжали недалеко отъ аула Хулама, расположенного на склонахъ горъ съ лѣвой стороны Черека, а въ пять по-полудни прїѣхали въ Бизинги и остановились въ кунацкой аульнаго старшины Девлеть-Гирея Суншева. Его, впрочемъ, не было дома, но за нимъ послали и часамъ къ 10 вечера онъ прїѣхалъ.

На другой день послѣ нашего прїѣзда мы занялись осматриваніемъ аула и его окрестностей. Ауль расположено на самомъ берегу Черека; онъ имѣетъ около 200 дворовъ и всѣ хаты его сложены безъ всякаго цемента изъ обломковъ гранита, гнейса и другихъ горныхъ породъ; внутри, вирочемъ, онъ обмазаны глиной. Даже мечеть выстроена въ видѣ простого длиннаго сарая, безъ минарета и крытыхъ боковыхъ галлерей, изъ такихъ-же об-

ломковъ камней. Все это есть слѣдствіе полнаго отсутствія лѣса въ верховыхъ Черека. Улицы, какъ во всѣхъ аулахъ, узкія, кривыя. Черезъ аулъ протекаетъ нѣсколько быстрыхъ, чистыхъ, горныхъ ручьевъ, которые могли-бы служить отличнымъ украшеніемъ любого парка. Жители всѣ татарскаго племени. Около аула находятся нѣсколько старыхъ, полуразрушенныхъ башенъ и кладбище. Мертвыхъ, особенно дѣтей, здѣсь закапываютъ такъ неглубоко, что подъ камнями, сложенными надъ могилой въ видѣ склепа, часто можно видѣть торчащія изъ земли человѣческия кости.

Что касается окрестностей аула, то по лѣвой сторонѣ Чекрея онъ каменисты и почти вся трава на нихъ выжжена солнцемъ; правая-же сторона, наоборотъ, покрыта очень свѣжей растительностью. *Gladiolus communis*, *Salvia verticillata*, *Spirea phili-pendula*, *Betonia grandiflora* и нѣкоторыя другія растенія придаютъ полимъ очень красивый, нарядный видъ. Изъ кустарниковъ тутъ растетъ барбарисъ и жимолость. Въ самомъ аулѣ почти вся заборы заплетаетъ *Bryonia alba*.

Мелких птичекъ въ окрестностяхъ аула не особенно много, но за то почти на каждомъ шагу встрѣчаются клушицы (*Fregilus graculus* L.) и альпійскія галки (*Pyrhocorax alpinus* Weill). Не помню, видѣль-ли я здесь сурковъ (*Spermophilus musicus* Ménér.), которые въ долинахъ Чегема и Баксана живутъ въ огромномъ количествѣ.

На слѣдующій день, по возможности рано утромъ, мы разсчитывали отправиться къ ледникамъ, находящимся въ верховьяхъ Черека. Утро было прекрасное и мы съ нетерпѣніемъ ожидали того момента, когда можно будетъ тронуться въ путь, но остановка была за лошадьми. Насъ утѣшили, что ихъ уже ведутъ, что они сейчасъ будутъ, но не приводили до самаго полу-дня. Наконецъ, когда они были уже на дворѣ, пропалъ аульный старшина, вызвавшій насъ провожать къ ледникамъ; мы-же хотѣлиѣхатъ непремѣнно съ нимъ, потому что присутствіе его, какъ хорошаго охотника, отлично знающаго мѣстность, и, кроме того, недурно говорящаго по-русски, могло быть для насъ весьма полезно. Оказалось, что онъ вмѣстѣ съ туземнымъ кузнецомъ возился надъ турецкой винтовкой Пибоди-Мартини, желая сдѣлать ее полегче. Когда она была принесена, то мы удивились, какъ можно было обезобразить ружье до такой степени: прикладъ они сдѣлали узкимъ, какъ палка, сильно укоротили его, стальной

кольца со ствola сбросили, замѣнивъ ихъ безобразно-спаенными изъ листового жалѣза, прицѣль передѣлали на свой ладъ,—словомъ, сдѣлали ружье неузнаваемымъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто раннаго утра мы выѣхали въ часъ по-полудни и едва успѣли отѣхать съ версту отъ аула, какъ пошелъ дождь. Онъ поливалъ насть въ теченіе всего пути. Намъ, конечно, было досадно, что прекрасное утро пропало да-ромъ иѣхать пришлось въ такую скверную погоду.

Дорога тянулась все время по лѣвому берегу Черека. До-лина его выше аула довольно красива, не особенно скалиста и совершенно безлѣсна. Съ правой стороны къ ней подходитъ кра-сивое ущелье рѣчки Думалѣ.

Версты 4 не доѣзжая до конца ущелья, мы увидѣли ниж-нюю часть глетчера; она, однако, была такъ завалена камнями, что только по моренамъ и другимъ характернымъ особенностямъ мѣстности можно было догадаться, что здѣсь находится глет-черь. Верхняя-же, сравнительно чистая, часть его скрывалась въ облакахъ. Версты за полторы до ледника лежали большія ко-ничные морены, не особенно давнаго происхожденія. Онѣ обра-зовали правильную дугу, обращенную выпуклостью внизъ, и ясно указывали на тѣ границы, которыхъ достигаль ледникъ въ от-носительно недавнее время. Недалеко отъ морены, на самомъ берегу Черека, валялись остатки тура; вѣроятно, зимой или вес-ной онъ былъ увлеченъ лавиной и сброшенъ ею на дно ущелья.

Тропинка, ведущая къ леднику, извивалась по лѣвому бе-регу Черека, то поднимаясь вверхъ на горы, то спускаясь внизъ къ самой рѣчкѣ. Мѣстами она была настолько плоха, что при-ходилось слѣзать съ лошади и идти пѣшкомъ. Пробираясь по ней, мы достигли до ниж资料 конца ледника и когда поднялись на лѣвую *) боковую морену, то замѣтили, что горы съ правой стороны его гораздо болѣе пологи и мѣстами покрыты неболь-шими зарослями изъ березъ, рабинъ и вербы. Чтобы имѣть подъ рукой топливо и материалъ для постройки шалаша, мы рѣшили перебраться черезъ ледникъ и расположиться вблизи такого лѣска.

На глетчерь мы безъ труда въобразились на своихъ лоша-дяхъ, но когда стали перѣѣзжать черезъ него, то встрѣтили

*) Правая морена или правая сторона глетчера употребляется вездѣ въ томъ-же смыслѣ, какъ правый или лѣвый берегъ рѣки.

глубокія канавы, промытыя во льду водой. Особенно непріятный видъ имѣла огромная, воронкообразная впадина въ нижней части глетчера, гдѣ нѣсколько ручьевъ сливалось вмѣстѣ. При малѣйшей неосторожности можно было поскользнуться и полетѣть въ эту бездонную пропасть. Намъ часто приходилось скѣзать съ лошади и идти по острымъ каменнымъ обломкамъ, валявшимся на поверхности льда. Нѣсколько разъ наши лошади скользили и падали, а одна изъ нихъ при паденіи разбила себѣ о камень ногу. По такой во всѣхъ отношеніяхъ неудобной дорогѣ пришлось пробираться значительно болѣе полуверсты, но миновать ее было нельзя, такъ-какъ пришлось бы ниже глетчера перѣѣзжать Черекъ, чтѣ, во всякомъ случаѣ, значительно опаснѣе, чѣмъ путешествіе по льду.

Все это время шелъ дождь, еще болѣе усилившій неудобства дороги, горы были окутаны облаками и мы могли видѣть только подошвы ихъ. За часъ до сумерокъ наше шатоѣ было уже почти готовъ; въ это время, когда дождь сталъ мало по малу переставать, а облака подниматься выше и выше, къ В. отъ насъ открылся другой, меньшій ледникъ, пересѣченный безчисленнымъ множествомъ трещинъ. Мы находились у самаго подножья Дыхъ-тау, но вершины ея не могли видѣть: мѣшали облака и ближайшая къ намъ скалы. По температурѣ кипѣнія воды я нашелъ, что высота нашей стоянки была около 7.200 футовъ надъ уровнемъ моря.

Такимъ образомъ передъ нами находилось два глетчера. Первый изъ нихъ, больший, спускается съ части Главнаго Кавказскаго хребта, лежащей между отрогомъ Карга-Шили-тау и тѣмъ высокимъ хребтомъ, на которомъ поднимаются Дыхъ-тау и Коштантъ-тау. Мѣстные жители называютъ этотъ ледникъ Бизинги-чиранъ или Улу-тау-чиранъ *). Другой глетчеръ, находящійся къ В. и почти подъ прямымъ угломъ къ первому, называютъ Мижирги-чиранъ. Улу-тау-чиранъ тянется въ направленіи отъ ЮЗ. къ СВ. и значительно превосходитъ Мижирги своей величиной.

На слѣдующій день, въ пять часовъ утра, термометръ показывалъ $+3^{\circ}$ Ц.; облака уже ползали по склонамъ горъ и погода не обѣщала быть хорошей. Закусивъ наскоро, мы въ 6 часовъ отправились на ледникъ Бизинги, но едва успѣли пройти версты

*.) Чиранъ—значить ледникъ, а Улу-тау—главный хребетъ.

2, какъ пошелъ дождь, заставившій насъ искать убѣжища подъ нависшими скалами. Когда, часъ спустя, онъ пересталъ, мы перелѣзли черезъ правую боковую морену и направились дальше вверхъ по леднику. Путешествіе было не особенно приятное, такъ-какъ за туманомъ мы могли видѣть только ближайшіе къ намъ предметы и не имѣли никакой возможности составить общаго представленія о леднике.

Съ боку ледника, въ нѣсколько параллельныхъ рядахъ, тянутся широкія морены. Онѣ состоятъ частью изъ камней, частью изъ мелкаго щебня и поднимаются надъ поверхностью льда сажень на 15—20. Ихъ величина и расположение также указываютъ на значительное уменьшеніе глетчера за послѣднее время. Подъ ближайшими къ нему моренами ледь еще не растаялъ и образуетъ бугры и гряды, покрытые щебнемъ и также достигающіе довольно значительной высоты. На половинѣ длины глетчера, съ правой его стороны, такая гряда, разорванная въ разныхъ направленіяхъ, представляетъ огромныя ледяныя пирамиды, покрытыя тонкимъ слоемъ сѣраго щебня, сквозь который всюду просвѣчиваетъ прозрачный, голубовато-зеленый ледъ. Высота многихъ изъ нихъ навѣрно не менѣе сажень двадцати.

Въ средней и верхней частяхъ поверхность ледника вообще довольно чистая. По краямъ его, правда, валяются камни, за то средина представляетъ огромную, почти совершенно бѣлую продольную выпуклость, образовавшуюся, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе бокового давленія на ледь *). Когда смотришь на ледникъ издали, то она напоминаетъ гигантскую бѣлую мостовую, окаймленную темными полосами. Глубокія трещины тянутся вдоль и поперекъ ея. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ пересѣкаются по всевозможнымъ направленіямъ, всюду между ними торчатъ высокіе ледяные выступы и глетчерь представляетъ такой дикій видъ, что даже самый отважный путешественникъ не рискнулъ бы здѣсь перебираться черезъ него. Особенно большія трещины мы встрѣтили на половинѣ длины глетчера. Онѣ имѣли косвенное направленіе и достигали футовъ 15 ширины, при глубинѣ, вѣроятно, не менѣе полсотни сажень. Между ледяными выступами и трещинами находились ямы, наполненные водой. Нѣкоторыя изъ

*) Руло ледника съуживается книзу, вслѣдствіе этого и ледникъ винзуз гораздо уже, чѣмъ вверху. Очевидно, что давленіе боковое должно быть поэтому очень значительнымъ.

нихъ были настолько значительны, что напоминали небольшія озерца.

Каменные столы на ледяныхъ подставкахъ встречались очень часто. Два изъ нихъ обратили на себя особенное внимание: одинъ правильностью формы, другой величиной. Послѣдній состоялъ изъ каменной глыбы въсомъ тысячу въ пять пудовъ, лежащей на ледяной подставкѣ сажени въ полторы высоты. Маленькихъ красивыхъ столиковъ мы видѣли цѣлыхъ сотни.

Ледяные колодцы, наполненные необыкновенно прозрачной водой, встречались также почти на каждомъ шагу. Вода въ нихъ казалась окрашенной въ весьма приятный для глазъ голубовато-зеленый цветъ, зависящій, конечно, отъ цвета ледяныхъ стѣнокъ колодца. На высотѣ около 8.000 футовъ надъ уровнемъ моря почти всѣ они были подернуты тонкимъ слоемъ льда, образовавшимся въ предыдущую ночь. Во многихъ мѣстахъ встречались еще такъ-называемыя мельницы, т. е. глубочайшія ямы во льду, въ которыхъ стекается съ поверхности ледника вода. Они настолько же красивы, насколько и страшны: стѣнки ихъ гладки, скользки и полуопрозрачны; ни въ одной изъ нихъ не видно дна, а въ глубинѣ паритъ какой-то зловѣштій полумракъ. Мы пробовали ложиться на краю нѣкоторыхъ изъ нихъ и слушать шумъ воды. Дѣйствительно, онъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ шуму работающей вѣтряной мельницы. Если бросить въ яму камень, то спустя нѣсколько секундъ слышится особенный глухой гулъ, происходящій вслѣдствіе ударовъ камня о стѣнки и дно пропасти. Несмотря на страшную глубину, эти ямы по большей части ученъ узки, обыкновенно не болѣе 2—3 аршинъ въ диаметрѣ. Только двѣ имѣли значительно болѣе размѣры и внутри ихъ торчали красивые ледяные столбы, сглаженные водой. Какое-то особенное чувство испытываешь, стоя на краю этихъ ямъ, и тогда невольно приходить на память тѣ далеко не рѣдкіе несчастные случаи, когда люди, по нечаянности или неосторожности, попадали въ нихъ и, претерпѣвши страшная физическая и нравственная мученія, умирали въ концѣ концовъ отъ холода и голода.

Въ теченіе почти $3\frac{1}{2}$ часовъ мы шли по леднику, окруженные туманомъ, но не теряли надеждъ, что вотъ-вотъ онъ разсѣется и дастъ намъ возможность сразу скинуть взоромъ не только ледникъ, но и окружающія его высоты. Наши ожиданія, однако, не сбылись, такъ-какъ въ полдень къ туману присоединился

нился дождь, принудивший насъ вернуться назадъ. Часа въ три по-полудни мы достигли своей стоянки, тотчасъ развели костеръ и принялись сушить и латье. Вскорѣ былъ готовъ и обѣдъ, но дождь не переставалъ до самаго вечера и не позволилъ намъ никуда пойти. Два охотника, отправившіеся еще до разсвѣта за турами, вечеромъ возвратились также ни съ чѣмъ.

На слѣдующій день утромъ погода была ясная и мы торопились отправиться опять на тотъ-же глетчеръ, чтобы составить о немъ общее представление, чего невозможно было сдѣлать раньше по причинѣ тумана.

На этотъ разъ мы избрали другой путь, т. е. не съ боку ледника, какъ вчера, а по самому льду, зная навѣрное, что идти будетъ гораздо легче. Въ особенности удобный путь представляла средина глетчера, гдѣ поверхность льда оставалась совершенно чистой. Единственнымъ затрудненiemъ были трещины, но большая часть ихъ не представляла серьезныхъ препятствій. Только въ одномъ мѣстѣ онъ заставилъ моихъ спутниковъ,—которые были, впрочемъ, не горцы и, слѣдовательно, люди непривычные,—отказаться идти дальше, но я сдѣлалъ обходъ и, перейдя трещины тамъ, гдѣ онъ стали значительно уже, взобрался на ледяной бугоръ, съ которого уже была видна вся верхняя часть глетчера. Наше путешествіе вверхъ опять продолжалось $3\frac{1}{2}$ часа, но благодаря тому, что была избрана другая дорога и погода стояла благопріятная, мы успѣли пройти значительно дальше и видѣть несравненно больше, чѣмъ наканунѣ.

Изъ этого осмотра можно было вывести слѣдующее: глетчеръ Бизинги спускается съ Главнаго Кавказскаго хребта двумя вѣтвями, изъ которыхъ западная значительно уже и короче, чѣмъ восточная. Послѣдняя имѣеть версты три длины и не менѣе $1\frac{1}{2}$ версты ширины. Западная вѣтвь питается, главнымъ образомъ, снѣгами, спускающимися съ очень высокой горы, имѣющей видъ правильнаго, довольно острого конуса. Горцы называютъ ее Катынь-тау и говорятъ, что она по высотѣ мало уступаетъ Дыхъ-тау (16.925 ф.). Восточная-же вѣтвь спускается съ той части Главнаго хребта, которая обозначена на пятиверстной карте Кавказа именемъ Джанга-тау. Отъ мѣста соединенія обѣихъ вѣтвей тянется огромная масса льда, которая и образуетъ собственно ледникъ Бизинги. Говорятъ, что это самый большой ледникъ Кавказа; я съ своей стороны могу сказать, что изъ 20—22 глетчеровъ, видѣнныхъ мною, это самый большой. На величину его

указываетъ и то, что мы въ теченіе $3\frac{1}{2}$ часовъ шли довольно быстро вверхъ по нему и все-таки прошли его не весь. Если за начало принять восточную вѣтвь, то длина всего глетчера будетъ никакъ не менѣе тринадцати верстъ. Ширина въ верхней части значительно больше, чѣмъ въ нижней; на срединѣ она, вѣроятно, не менѣе $1\frac{1}{2}$ версты, а можетъ быть и больше. Круче всего спускается нижняя часть, потомъ сравнительно крутой уступъ находится на половинѣ длины ледника, а далѣе поверхность его весьма полога. Въ нижней трети—трещинъ, за исключеніемъ весьма узкихъ, нѣть вовсе; начиная же съ средины, онъ встрѣчаются часто и многія изъ нихъ имѣютъ очень грозный видъ. По срединной линіи, вдоль ледника, тянется, какъ уже сказано раньше, полоса чистаго льда. Она значительно возвышается надъ боковыми частями глетчера и во многихъ мѣстахъ представляетъ непроходимые лабиринты ледяныхъ пирамидъ, трещинъ, колодцевъ и небольшихъ озеръ. Рѣчки, обозначенной на пятиверстной картѣ Кавказа вдоль западнаго края ледника, не существуетъ вовсе; внизу-же, изъ-подъ него, кроме нѣсколькихъ небольшихъ ручьевъ, вытекаетъ одинъ потокъ, настолько значительный, что чрезъ него горцы не рѣшаются перебѣжать вѣромъ. Въ томъ мѣстѣ, где онъ вырывается изъ-подъ льда, находится невысокій ледяной гротъ. Вѣроятно, за нѣсколько дней до нашего приѣзда своды его треснули и осѣли; во время нашего пребыванія они поднимались надъ водой только аршина на 2. Всѣ воды, вытекающія изъ-подъ этого глетчера, образуютъ рѣчу Череекъ *).

При осмотрѣ этого ледника невольно бросаются въ глаза огромныя боковые морены, расположенные въ нѣсколько параллельныхъ рядовъ. Всѣ онѣ сравнительно недавнаго происхожденія и несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что за послѣднія 20—30 лѣтъ ледникъ уменьшился весьма сильно. На склонахъ того ущелья, где онъ находится, также замѣтны полосы, указывающія на прежній уровень льда. На лѣвой сторонѣ (на западной) онѣ поднимаются по-крайней-мѣрѣ футовъ на 200 выше теперешней поверхности глетчера. Прежняя правая боковая морена въ нижней своей части отдѣляется отъ правой-же стороны глетчера пространствомъ приблизительно въ $\frac{1}{2}$ версты, которое теперь покрыто цѣвтами и травой, а когда-то было ложемъ глет-

*.) Я уже упоминалъ, что на картахъ Кавказа она названа Урваномъ.

чера. Въ верхнихъ частяхъ крайнія боковыя морены удалены отъ льда также весьма значительно, а изъ конечныхъ одна отстоитъ сажень на 50, другая слишкомъ на $\frac{1}{2}$ версты, а третья версты на полторы отъ нижнаго конца глетчера. Горцы говорять, что за послѣднія лѣтъ двадцать онъ сталъ версты на двѣ короче и гораздо уже. Ледникъ Мижирги прежде былъ также значительно длиннѣе, нижній конецъ его достигалъ до ледника Бизинги и сливался съ нимъ, образуя одно общее глетчерное поле. Судя по положенію моренъ, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться; кромѣ того, на скалахъ правой стороны рѣчки Мижирги хорошо замѣтны слѣды прежняго, очень высокаго уровня льда. Теперь оба ледника отстоятъ другъ отъ друга не менѣе какъ на полторы или на двѣ версты.

Долина, по дну которой движется огромное ледяное поле Бизинги, составляетъ какой-то таинственный и уединенный міръ, почти со всѣхъ сторонъ окруженній гигантскими отвѣсными стѣнами. Съ западной стороны она замыкается громадными уступами сѣрыхъ утесовъ, громоздящихся другъ надъ другомъ и покрытыхъ на верху снѣгомъ; на востокѣ, надъ самыми глетчеромъ, поднимается еще болѣе высокая стѣна. Подножье ея составляютъ склоны, покрытые зеленою травой, а вершину огромныя снѣжныя поля, надъ которыми, въ свою очередь, возвышаются еще Дыхъ-тау и Каштанъ-тау—высочайшіе послѣ Эльбруса пики Кавказа. Къ сожалѣнію, отвѣсно стоящія надъ самимъ ледникомъ скалы не позволяли намъ видѣть эти замѣчательныя вершины. Самой-же восхитительной была южная сторона, поднимающаяся непосредственно надъ верхнимъ концомъ глетчера. На ней не было ни одного облачка и она представилась намъ во всемъ свое грозномъ величиі: тутъ съ правой стороны (если обратиться лицомъ къ югу) поднимается очень правильный конусъ огромной горы Катынъ-тау. Онъ весь былъ покрытъ сплошнымъ, ослѣпительно-блѣлымъ снѣгомъ. Лѣвѣе его находился другой высокій пикъ Тетнульдъ, съ еще болѣе обширными снѣжными полями, а за нимъ хребетъ Джанга-тау въ видѣ громадной стѣны скалъ, покрытой вѣчными снѣгами. Между обширными снѣжными полями, лежащими на склонахъ Тетнульда и Джанга-тау и верхней оконечностью главнаго ледника находился огромный, черный, скалистый барьеръ изъ разорванныхъ, зубчатыхъ утесовъ. Только сѣверо-восточная сторона долины была открыта и образовала какъ-бы ворота, сообщающія ее съ остальнымъ міромъ.

Мѣсто это, безспорно, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ на Кавказѣ. Въ юлѣ 1872 года его посѣтили англичане Грове, Муръ, Уоккеръ и Гардинеръ. Раньше, въ теченіе своихъ много-лѣтнихъ путешествій, они успѣли побывать на всѣхъ замѣчательныхъ пунктахъ Швейцаріи, но, какъ говорятъ Грове *), имъ никогда не приходилось видѣть на Альпахъ ничего такого, чтобы могло сравниться съ этой мѣстностью по красотѣ и величию громадныхъ горъ и совершенно своеобразной дикости долины.

Ледникъ Мижирги находится къ В. отъ предыдущаго и почти подъ прямымъ угломъ къ нему. Мы осмотрѣли только нижнюю часть его. Въ ширину она едва ли болѣе 200 или 250 шаговъ и оканчивается совершенно отвесной ледяной стѣной сажень 20 или 30 высоты. Глубокія трещины пересѣкаютъ ее по всевозможнымъ направленіямъ. Съ боковъ глетчеръ окаймляется такими-же высокими, отвесными стѣнами, которые раздѣляются трещинами на отдѣльные ледяные столбы и зубцы. Вообще нижняя часть этого ледника имѣеть весьма суровый видъ. Здѣсь не только нельзя идти по льду или взобраться на него, но даже опасно подходить близко, такъ-какъ отдѣленныя сквозными трещинами глыбы льда безпрерывно падаютъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ. За день до нашего приѣзда обрушилась тутъ масса льда въ нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ вѣсомъ, а два меньшихъ обвала случились на нашихъ глазахъ въ теченіе какихъ-нибудь десяти минутъ, когда мы подошли къ глетчеру, чтобы определить, на какой высотѣ находится нижній конецъ его. Обвалы эти сопровождались особыеннымъ грохотомъ, напоминающимъ отдѣленные выстрѣлы изъ большихъ орудій.

По разсказамъ горцевъ, въ верхнихъ частяхъ этотъ ледникъ значительно шире, поверхность его болѣе полога и не такъ сильно пересѣчена трещинами. Длина его равняется верстамъ 5—6. Оканчивается онъ на высотѣ около 7.500 футовъ, т. е. футовъ на 600 выше ледника Бизинги. Съ боковъ его находятся довольно порядочные морены. Замѣчательно, что этотъ ледникъ за послѣдніе два года (1880—1881) сталъ замѣтно удлиняться и прибавился за это время сажень на 200. Изъ-подъ льда вытекаетъ рѣчка Мижирги-су; она нанесена на пятиверстную карту, но не названа никакимъ именемъ, ледникъ-же на ней не обозначенъ вовсе.

*) „Холодный Кавказъ“. Изд. журнала „Природа и Люди“, стр. 90.

За все время нашего пребыванія въ этой мѣстности погода стояла очень плохая. Только утромъ мы могли предпринимать экскурсіи на ледники или сосѣднія съ ними горы, но пробраться особенно высоко было рѣшительно невозможно, такъ-какъ часовъ съ десяти или одиннадцати на вершинахъ начинали скопляться облака, которая, быстро разростаясь, спускались потомъ все ниже и ниже; съ полудня-же мы бывали ежедневно окружены отвратительнымъ, густымъ, мокрымъ полумракомъ, къ которому, по Большой части, присоединялся еще дождь. По временамъ все это наводило не только уныніе и тоску, но даже отчаяніе. Идти куданибудь не представлялось возможности, да и не было смысла, такъ-какъ можно было видѣть только то, чтѣ находилось подъ ногами. Все это время мы сидѣли по большей части въ своемъ сыромъ, невзрачномъ шалашѣ, одинаково плохо защищавшемъ насъ какъ отъ дождя, такъ и отъ вѣтра. Ночью бывало еще хуже, такъ-какъ дождь и туманъ проходили только передъ разсвѣтомъ. Особенно непріятно становилось, когда, при усилившемся дождѣ, крыша промокала и струя холодной воды попадала на лицо и за шею. Ощущеніе было такое, какъ будто по тѣлу ползали чтѣ-то мокрое, холодное. Къ этимъ неудобствамъ присоединялся еще довольно чувствительный холода (утромъ термометръ показывалъ обыкновенно только отъ 2 до 3 градусовъ тепла) и черезчуръ сильная вентиляція нашего жилища. Хорошо, что частью отъ холода, частью отъ ходьбы по горамъ у насъ былъ всегда отличный аппетитъ и мы могли развлекаться, приготовляя и истребляя разные напитки и кушанья: варили чай, потомъ кофе, жарили шашлыкъ, затѣмъ опять переходили къ чаю и т. д. Пропаривание вѣчно мокраго платья и сапогъ также составляло не маловажное развлеченіе. Веселый и находчивый нашъ спутникъ Девлетъ-Гирей Суншевъ часто, однако, заставлялъ насъ смыться и забывать всякия невзгоды. Онъ рассказывалъ то анекдоты, то сказки, то разныя курьезныя исторіи.

II.

Возвращение въ Бизинги.—Дорога отъ Бизинги до Чегема.—Подъемъ на хребтъ.—Растительность.—Видъ съ вершины хребта.—Спускъ къ Чегему.—Поселокъ Думала.—Пребываніе въ Чегемѣ.—Ущелье рѣчки Джилки-су.—Сванеты.—Путь отъ Чегема до Беллма.—Баксанская долина.—Рѣчка Кисанти.—Ауль Беллмъ.—Путешествіе вверхъ по Баксанской долинѣ.

Употребивъ слишкомъ два дня на осмотръ ледниковъ въ верховьяхъ Черека, мы снова отправились въ Бизинги, чтобы оттуда черезъ Чегемъ пробраться въ долину Баксана. На этотъ разъ погода была къ намъ гораздо благосклоннѣе и дождь смочилъ насъ только передъ самымъ ауломъ. Прѣѣхавъ подъ знакомый намъ кровъ аульного старшины къ 12 часамъ дня, мы думали отдохнуть здѣсь немного и потомъ отправиться въ Чегемъ. Намъ обѣщали дать тѣхъ лошадей, на которыхъ мы приѣхали, и нового проводника; но когда мы уже совсѣмъ собрались въ путь, то мнѣ объявили, что лошади сильно устали и не могутъ идти до Чегема. Это, безъ сомнѣнія, была выдумка, однако, черезъ нее намъ пришлось остатся здѣсь до слѣдующаго дня. Для нашего успокоенія аульный старшина увѣрилъ, что завтра съ восходомъ солнца лошади будутъ уже на дворѣ; но мы, разъ проученные жителями Бизинги, не придавали особеннаго значенія его обѣщанію.

На слѣдующій день наше терпѣніе снова было подвергнуто серьезному испытанию: мы встали рано утромъ, но нигдѣ лошадей не находили; никто изъ окружающихъ даже не могъ сказать намъ, гдѣ онѣ и когда ихъ приведутъ, а аульный старшина на этотъ разъ куда-то скрылся. Когда-же мы настойчиво требовали ихъ, то насъ начали утѣшать, что ихъ ведутъ, что онѣ уже приведены, но отыскиваются сѣдла, даѣте, что для насъ приготовляютъ обѣдъ и т. п., однако, до часу по-полудни все-таки намъ не удалось отправиться въ путь. Передъ отѣзdomъ случилось, впрочемъ, еще одно обстоятельство: когда мы стали расплачиваться за лошадей, то съ насъ потребовали плату не за три дня, а за четыре, хотя мы проѣздили на часъ или полтора менѣе трехъ сутокъ; другое недоразумѣніе произошло еще отъ того, что съ нами, по желанію аульного старшины, отправилось три человѣка, тогда-какъ мы просили дать одного, который бы исполнялъ обязанности прислуги, и другого—охотника; въ проводникъ-же мы вовсе не нуждались, потому что нашимъ путеводи-

телемъ былъ аульный старшина, отлично знающій мѣстность и, какъ я уже говорилъ, хорошій охотникъ. Онъ, будучи человѣкомъ богатымъ и влиятельнымъ, конечно, не пожелалъ братъ съ насъ деньги, а остальные трое требовали поденной платы. Послѣ разговоровъ, продолжавшихся съ четверть часа, намъ пришлось за поѣздку къ леднику, отстоящему отъ аула верстъ на 15, отдать 18 рублей. Сверхъ этого, раньше каждый изъ нашихъ спутниковъ получилъ еще нѣсколько пороху.

Въ день нашего отѣзда изъ Бизинги утро было прекрасное, но мы его провели, какъ и въ предыдущій разъ, въ ожиданіи лошадей, съ полууди-же погода измѣнилась и намъ опять пришлось выѣхать въ дождь.

Тропинка отъ Бизинги къ Чегему тянется черезъ хребетъ, раздѣляющій долины рѣкъ Черека и Чегема и возвышающіяся, вѣроятно, до 9 или 10 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Подъемъ отъ Бизинги и спускъ къ Чегему очень круты, поэтому путешествіе на некованыхъ лошадяхъ во время дождя, сдѣлавшаго дорогу грязной и скользкой, было отвратительно; а такъ-какъ дорога все время тянулась надъ кручами, то очевидно была и далеко не безопасна. Мы чувствовали себя не особенно хорошо, положеніе-же нашего проводника оказалось еще худшимъ. Жители Бизинги сочли, что онъ можетъ, не отставая отъ насъ и указывая намъ дорогу, пройти весь этотъ путь пѣшкомъ, и не дали ему лошади. Разумѣется, при подъемѣ на гору онъ не былъ въ состояніи слѣдовать за нами, поэтому я и бывшій со мною кабардинецъ Асланъ-Мурза должны были по очереди сажать его на своихъ лошадей позади сѣда и путешествовать такимъ образомъ en deux. Предоставляю читателю вообразить, что это было за путешествіе на крутую гору по грязной, скользкой горной тропинкѣ, да еще вдвоемъ, на некованной лошади! Впрочемъ, на послѣднемъ самомъ крутомъ подъемѣ нашему бѣдному спутнику удалось поймать ходившую здѣсь чужую лошадь и версты полторы проѣхать на ней, но безъ сѣда и уздечки.

Путешествіе отъ Бизинги до Чегема продолжалось 4 часа. Первую половину пути мыѣхали окруженные облаками и рѣшительно ничего не могли видѣть вдали отъ себя, но когда взобрались на вершину хребта, то облака уже были ниже насъ. Передъ нами открылась необыкновенно красавая картина, которую можно видѣть только на высокихъ горахъ: долина Черека вся была заполнена густыми сплошными облаками, горы-же на противопо-

ложной сторонѣ ея, равно какъ и тѣ, которых находились въ С. и Ю. отъ насъ, были почти открыты. Только мѣстами по нимъ переползали съ одного утеса на другой отдѣльные небольшіе клочки облаковъ, ярко освѣщенныхъ лучами солнца. Вдали на ЮВ. видны были остроконечныя, покрытыя снѣгомъ вершины Балкарскихъ горъ, а на З. на огромной глубинѣ виднѣлась широкая, довольно просторная долина, по дну которой узкой сѣребристой лентой извивался Чегемъ.

Растительность при подъемѣ на хребетъ была довольно красива и разнообразна, но на самомъ перевалѣ росъ лишь густой, приземистый клеверъ, совершенно лишенный цвѣтовъ. Изъ млекопитающихъ мы встрѣчали тутъ только сурковъ (*Spermophylus musicus Menetr.* *), а изъ птицъ—чекановъ, клушицъ (*Fregilus graculus*) и альпійскихъ воронъ (*Pyrhocorax alpinus*).

Поднявшись на вершину хребта, мы не могли не остановиться на нѣсколько минутъ, чтобы полюбоваться видами на окрестныя горы и долины, а потомъ стали спускаться внизъ. Спускъ былъ такъ крутъ, что значительную часть его пришлось пройти пѣшкомъ.

Часа за $1\frac{1}{2}$ до заката солнца мы прибыли въ небольшой поселокъ, расположенный на рѣкѣ Кардань-су и извѣстный подъ именемъ Думала. Онъ отстоитъ отъ Чегема всего на три или четыре verstы. Мы заѣхали къ одному изъ жителей, отдохнули немного у него, напились чаю, а потомъ отправились въ Чегемъ, куда и прибыли еще до наступленія сумерокъ.

Насъ встрѣтили здѣсь довольно любезно. Аульный старшина предлагалъ остановиться у него, а весьма пріятный, среднихъ лѣтъ мужчина Али-Мурза Балкарковъ звалъ къ себѣ; но такъ-какъ съ послѣднимъ мы познакомились еще въ Бизинги и тамъ получили отъ него приглашеніе, то рѣшилиѣхать къ нему. Кромѣ того, и другія соображенія заставляли насъ отдать предпочтеніе Али-Мурзѣ. Я замѣтилъ, что остававливаться у старшины неудобно еще въ томъ отношеніи, что, пользуясь его гостепріимствомъ, невольно становишься къ нему въ обязательныя отношенія и стѣсняешься требовать то, на что имѣешь полное законное

*) Я называю это животное не сусликомъ, а суркомъ, потому что круглые зрачки и отсутствіе защечныхъ мѣшковъ указываютъ на принадлежность его къ этому посѣдѣнemu роду. Правильнѣе бы было его назвать и по-латыни *Arctomys musicus*.

право. Конечно, если старшина человѣкъ хорошій и будетъ держать себя въ отношеніи гостя какъ истинный мусульманинъ, то такихъ неудобствъ не произойдетъ. Но старшины бываютъ разные.

Али-Мурза принялъ насъ со свойственной горцамъ любезностью и угощалъ весьма усердно. Едва мы успѣли сѣсть съ лошадей, какъ явился на сцену огромный шайтанъ самоваръ и неизмѣнныи низенький столикъ на трехъ ножкахъ, накрытый белой скатертью. Подъ нею оказалась куча локумовъ *) и нарѣзанный кусками свѣжий горскій сыръ. Немного времени спустя подали жареную на вертелѣ баранину (шашлыкъ), а на ужинъ, на томъ же столикѣ, вареное мясо, айранъ и шурпа **). Оба послѣдніе напитка пьютъ изъ большихъ деревянныхъ ковшей мѣстнаго производства. Такъ-какъ у каждого путешественника, если только онъ человѣкъ не больной, бываетъ волчій appetitъ, то мы были весьма благодарны хозяину за столь основательное угощеніе. Собака моя также не была забыта, и когда я сказалъ, что она уже сыта, то мнѣ, шутя, отвѣчали: «она гость и должна есть, сколько хочетъ».

Аулъ расположено на очень красивомъ мѣстѣ, при впаденіи рѣки Джилки-су въ Чегемъ. Къ Ю. отъ него долина Чегема довольно широка. Съ восточной стороны она ограничена пологими склонами, покрытыми зеленою травой и поднимающимися постепенно все выше и выше; на самыхъ крайнихъ изъ нихъ лежать даже порядочные клочки снѣга; съ западной стороны склоны значительно круче. На сѣверѣ, у самой окраины аула, долина вдругъ суживается и превращается въ узкое, скалистое ущелье, ограниченное высокими отвесными скалами.

Гораздо болѣе замѣчательна долина рѣчки Джилки-су, которая начинается на высотахъ Джугутурлы-чадъ ***), отличающихся изобилиемъ туровъ и, пробѣгавъ верстъ 20 по крутыму каменистому ложу, впадаетъ въ Чегемъ. Недалеко отъ аула долина ея превращается въ узкое, мрачное, таинственное ущелье. Ширина его равняется нѣсколькимъ аршинамъ, а сѣрыя известковые скалы, ограничивающія его съ боковъ, поднимаются совер-

*) Небольшія булочки, похожія на прапинки.

**) Айранъ—пріятный, кисловатый, прохладжающій напитокъ, приготовленный изъ кислого молока. Шурпа—вкусный мясной бульонъ съ примѣсью небольшого количества кислого молока.

***) Джугутуръ—туръ (*Capra Caucasicus Gald.*); чадъ—балка.

шенно отвесными стѣнами, можетъ быть, въ 1.000 футовъ высоты. Вершины ихъ плоски и покрыты небольшими лѣсками. Многія мѣста этого ущелья никогда не освѣщаются лучами солнца и въ нихъ царить какой-то особенный полумракъ. По дну его съ шумомъ, прыгая съ камня на камень, несетъ прозрачныя, голубоватыя волны быстрая горная рѣчка аршинъ въ 6 или 7 шириной. Вдоль лѣваго берега ея тянется тропинка, по которой охотники отправляются въ горы за турами.

Такой характеръ сохраняетъ ущелье на пространствѣ нѣ сколькихъ верстъ; по мѣрѣ же приближенія къ верховью оно замѣтно расширяется. Если смотрѣть съ противоположнаго берега Чегема, то выходъ изъ него имѣеть видъ глубокаго мрачнаго прохода, на подобіе гигантскихъ воротъ, ведущихъ въ извилистую трещину. Скалы, окружающія ущелье, состоять изъ плотнаго сѣраго или желтоватаго известняка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ имѣеть очень ясноеплас тинчатое строеніе и окрашенъ въ черноватый цвѣтъ. Окраска эта зависитъ, вѣроятно, отъ пропитывающихъ его смолистыхъ веществъ и указывающихъ, можетъ-быть, на каменноугольныя залежи, скрытыя въ нѣдрахъ соседніхъ горъ. Въ этихъ-же стѣнахъ находится много не особенно глубокихъ пещеръ.

Ауль Чегемъ довольно большой. Въ немъ считаются болѣе 400 дворовъ. Только немногія сакли (избы) сдѣланы изъ дерева, всѣ-же прочія, какъ и въ Бизинги, изъ камня. Мечеть большая, деревянная, крытая жељзомъ. На рѣчкѣ Джилки-су стоитъ пять или шесть водяныхъ мельницъ самаго патріархальнаго устройства. Въ аулѣ и его окрестностяхъ находится еще нѣсколько четыреугольныхъ, довольно порядочно сложенныхъ башенъ. Одна изъ нихъ принадлежитъ фамиліи Балкарковыхъ. Мѣстные жители говорятъ, что они выстроены лѣтъ 200—300 тому назадъ чегемцами, при помощи мастеровыхъ, вызванныхъ изъ Сванетіи. Вѣроятно, эти башни служили для защиты отъ воинственныхъ кабардинскихъ князей.

На хребтѣ, отдѣляющемъ долины Черека и Чегема, жители добываютъ свинцовую руду и выплавляютъ изъ нея свинецъ. Они не хотятъ, однако, показать это мѣсто русскимъ, боясь, что здѣсь будетъ выстроено заводъ и они лишатся не только руды, но и нѣкоторой части своей земли. Очень можетъ быть, свинца здѣсь такъ мало, что опасенія ихъ на этотъ счетъ совершенно неосновательны. Судя по разсказамъ мѣстныхъ жителей, окрестности

Чегема богаты и древностями. Тутъ въ пещерахъ и могилахъ они находить монеты, бусы, кольца, сосуды и другія вещи.

Въ Чегемѣ мы съѣхались съ сванетскимъ княземъ, пра-
иорщикомъ милиціи Денгисомъ Кардабадзе. Онъ на катерѣ при-
ѣхалъ изъ Сванетіи въ Балкарію и черезъ Чегемъ возвращался
домой. Интересны были его два спутника, исполнявшіе роль
конвоя и прислуги. По своей нетребовательности и выносливости
они представляли нѣчто среднее между людьми и звѣрями. Въ
легкихъ черкескахъ изъ какой-то бумажной матеріи, безъ буровъ
и шапокъ, они пѣшкомъ сопутствовали своему господину. Шап-
ку, впрочемъ, имъ замѣнялъ башлыкъ, который они повязывали
на голову очень красиво. Башмаки у нихъ были, но, чтобы не
портить ихъ, они шли болѣею частью босыми. Въ этомъ кост-
юмѣ они должны были два раза перебраться черезъ Главный
Кавказскій хребетъ, пробыть такимъ образомъ на снѣгу два дня
и, можетъ быть, испытать всѣ невзгоды мятежа. Питались они
тоже, кажется, чѣмъ Богъ послалъ.

Въ Чегемѣ мы пробыли болѣе сутокъ. Когда-же, часовъ въ
12 днія, лошади для насъ были уже приведены *), мы отъ души
поблагодарили нашего хозяина Али-Мурзу и отправились далѣше
въ путь. Намъ нужно было прѣѣхать нѣсколько верстъ внизъ по
Чегему, потомъ, повернувъ на З., перевалиться черезъ хребетъ,
раздѣляющій долины Чегема и Баксана, и къ вечеру добраться
до аула Беллами. Тутъ мы разсчитывали перемѣнить лошадей и
переночевать.

Долина Чегема сначала узка, скалиста, а потомъ, по мѣрѣ
удаленія отъ аула, становится все шире и шире. Барбарисъ и
другія кустарные растенія образуютъ здѣсь лишь небольшія за-
росли; травянистая растительность также бѣдна, а лѣсовъ нѣть
вовсе. Вообще долина эта имѣеть однообразный и скучный видъ.

Черезъ часъ или полтора послѣ отѣѣзда изъ аула мы по-
вернули влѣво и стали подниматься вверхъ вдоль берега неболь-
шого ручья. Подъемъ былъ очень пологъ, горы не каменистыя,
а болѣею частью глинистые и переваль едва-ли выше 5 или
 $5\frac{1}{2}$ тысячъ футовъ надъ уровнемъ мора. Когда мы были на са-
момъ верху, то въ горахъ, къ Ю. отъ насъ, шелъ дождь, надъ

*) Лошадей и здѣсь пришлось прождать немногого, но въ это время уже
началась ураза (чѣсть) и голодные въ теченіе длиннаго, жѣнаго для горцы
были недоброжелательнѣе и несговорчивѣе, чѣмъ обыкновенно.

нами-же было ясное небо. За часъ до наступленія вечера мы увидѣли прекрасную долину Баксана. Она здѣсь довольно широка (вѣроятно, болѣе версты), лишена того сурогаго вида, который мы имѣли передъ глазами во все время нашего пребыванія въ горахъ, а напротивъ приковываетъ взоры путника особеній, нѣжной красотой. Она вся покрыта большой, свѣжей травой и разнообразнѣйшими цветами. Смотря на нее, я невольно подумалъ, какъ кстати она названа Баксанской. „Баксанъ“ значитъ „посмотри, погляди“. Дѣйствительно, въ ней есть на чѣо посмотретьъ.

Прежде чѣмъ вступить въ эту прекрасную долину намъ нужно было два раза перѣхать рѣчку Кисанты, которая отъ дождя, выпавшаго въ горахъ, сильно разлилась и несла мутную, желтоватую воду. Для насть перѣездъ не представлялъ опасности, но я боялся за свою собаку и потому долженъ былъ ее переправить на лошади.

Передъ самыми сумерками, т. е. семь часовъ спустя послѣ отѣзда изъ Чегема, мы прибыли въ небольшой поселокъ Беллымъ, грязнѣе и отвратительнѣе котораго мнѣ ничего не приходилось видѣть. Дворы и улицы его были завалены навозомъ; тутъ-же стояли большия лужи красновато-буровой навозной воды; по улицамъ медленно ползла полу жидкая, какъ кисель, навозная грязь, въ которой ноги лошади тонули по колѣно и вонь была отчаянная. Замѣчательный контрастъ представлялъ отвратительный Беллымъ съ прекрасной Баксанской долиной и возмутительно было сознавать, что именно человѣкъ могъ такъ изгадить это чудное мѣсто. Въ другихъ отношеніяхъ Беллымъ оказался не лучше. Одинъ хаджи, въ которому мы подѣхали, чтобы просить указать мѣсто, гдѣ намъ остановиться, и который, по мусульманскому обычай, долженъ быль-бы пригласить насть къ себѣ, отвѣчалъ, что не знаетъ этого. Такую неделикатность съ его стороны, я думаю, слѣдуетъ приписать также уразѣ, во время которой многіе изъ мусульманъ дѣлаются отъ голода недружелюбными и неговорчивыми. Пространствовавъ по улицамъ Беллума въ разныхъ направленіяхъ, мы, наконецъ, нашли на окраинѣ его какую-то никѣмъ не занятую кунацкую; въ ней сами хотѣли развести огонь и въ своеемъ чайникеъ приготовить чай; нашелся, однако, и въ Беллумѣ добрый человѣкъ, который принесъ намъ уже разогрѣтый самоваръ и большую чашку айрана. Чѣмъ касается лошадей, то ихъ рѣшительно отказали дать намъ,

говоря, что онъ пасутся далеко въ горахъ. Такимъ образомъ мы должны были продолжать путь на тѣхъ, которыхъ взяли еще въ Чегемѣ.

На слѣдующій день еще до восхода солнца мы выступили изъ Беллума и направились вверхъ по долинѣ Баксана. Вездѣ она была очень красива и тѣмъ отличалась отъ долинѣ Чегема и Черека, гдѣ особенно красивыя мѣста встрѣчаются какъ исключение. По мѣрѣ приближенія къ Главному хребту она значительно стуживается, но за то дѣлается все болѣе и болѣе лѣсистой. Тутъ встрѣчаются различныя лиственныя деревья (береза, ива, ольха), но надъ ними сильно преобладаетъ сосна. Молодыя сосновыя деревья растутъ по дну долины и образуютъ небольшіе перелѣски; на склонахъ ея растутъ довольно порядочные сосновые лѣса, а большія, одиноко стоящія деревья торчатъ и на совершенно отвѣсныхъ скалахъ. Изъ кустарниковъ попадается барбарисъ, малина, бересика или лоховникъ и таволга (*Spirea crenata*). Вообще Баксанская долина своимъ видомъ и богатствомъ лѣсовъ напоминаетъ красивыя лѣсистыя долины Кубанской области. Животное населеніе ея также гораздо богаче и разнообразнѣе. Тутъ въ первый разъ за все время путешествія мы увидѣли огромныхъ черныхъ и бурыхъ грифовъ (*Vultur cinereus* Naum и *Gyps fulvus* Gm.), много орловъ, альпійскихъ воронъ, клушицъ, чеканокъ, плисокъ (*Motacilla boarula* L.), ржанокъ и т. д. *Spermophilus musicus* попадался всюду.

III.

Урусбіевъ ауль и его окрестности.—Рѣчка Адыръ-су и Киртыкъ.—Водопадъ на рѣкѣ Сытранѣ.—Дорога къ верховьямъ Баксана.—Хвойные лѣса.—Проводникъ Ахіа.—Глетчеръ Азау и его морены.—Видъ на Кавказскій хребетъ съ высоты 11½ тысячъ футовъ.—Ледникъ Гара-бапи.—Долина и ледникъ Терсь-коль и Донгусъ-орунъ.

Спустя 6 часовъ послѣ отѣзда изъ Беллума, мы прїѣхали въ Урусбіевскій ауль и остановились въ домѣ знакомаго уже намъ князя Измаила Урусбіева. Хозяина въ это время не было дома и насъ принялъ его братъ Магометъ.

Урусбіевскій ауль расположень на лѣвомъ берегу Баксана, на слегка наклоненной площадкѣ, известной подъ именемъ „Ушкумель“. Вода випить здѣсь при 94,8° Ц., следовательно, высота это-

го мѣста около 5,000 ф. *) надъ уровнемъ моря. Баксанская долина тутъ относительно широка и открыта; большая часть ея занята рукавами и извилинами рѣки, а съ боковъ она ограничена высокими, крутыми склонами, покрытыми во многихъ мѣстахъ крупнымъ сосновымъ лѣсомъ. Съ юго-западной стороны она замыкается Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, на которомъ съ замѣтальной ясностью выступаютъ обширныя, снѣжныя поля. Черезъ аулъ протекаетъ рѣчка Киртыкъ, впадающая тутъ-же въ Баксанъ. Въ него-же, противъ устья Киртыка, впадаетъ другая болѣе значительная рѣчка Адыръ-су **). Она вытекаетъ изъ Главнаго хребта и течетъ съ страшной быстротой по глубокому ущелью, склоны котораго почти всюду покрыты крупнымъ сосновымъ лѣсомъ. Ущелье это тянется на югъ почти по прямой линіи, поэтому большая часть его хорошо видна изъ аула. Оно такъ круто спускается къ Баксанской долинѣ и образуетъ столько уступовъ, что Адыръ-су течетъ какъ-будто-бы по лѣстницѣ. Вода его мутно-желтаго цвѣта. На небольшихъ полянахъ этого ущелья растеть много земляники и малины, а въ верховьяхъ Адыръ-су находится одинъ довольно большой глетчеръ и нѣсколько меньшихъ.

Киртыкъ течетъ также очень быстро, но вода въ немъ чистая, прозрачная, голубовато-зеленаго цвѣта. Въ него впадаетъ другая еще меньшая рѣчка, Сылтранъ. Въ разстояніи около версты отъ аула на ней находится водопадъ, гдѣ вода низвергается съ известковой скалы, высотою сажень въ 30. Она еще прежде удара о камни разбивается на брызги, а потому уже превращается въ мелкую водяную пыль, въ которой въ ясный день отчетливо видна радуга. На скалахъ около водопада растуть сосны. Въ верховьяхъ Сылтрана есть очень глубокое, почти круглое озеро, сажень 150 въ диаметрѣ. Рыбы въ немъ никто не видѣлъ, да и едва-ли она можетъ быть, такъ-какъ озеро расположено на весьма большой высотѣ. Добраться до него можно только пѣшкомъ, причемъ нужно карабкаться въ теченіе 6 или 7 часовъ по очень утомительной дорогѣ. Когда англичане посѣтили его въ юлѣ 1872 года, оно было покрыто льдомъ.

Близъ аула, на склонѣ, ограничивающемъ долину съ лѣвой

*) На пяти-верстной картѣ она показана въ 5.136 футовъ.

**) Адыръ-су значитъ „полезная рѣка“. Говорятъ, что она получила это название вслѣдствіе того, что въ прежнія времена приносila къ Баксану много лѣса, которымъ пользовались жители.

стороны, есть еще небольшой, содержащий желѣзо, минеральный источникъ, вода которого употребляется лишь немногими изъ жителей. Маленький садикъ находится только при домѣ Урусліева. Изъ него мы ѿшли порядочными вишни, но это было уже въ концѣ іюля.

Красивыя окрестности Урусліева аула имѣютъ, однако, одинъ существенный недостатокъ. Вследствіе того, что въ этомъ мѣстѣ сходятся нѣсколько глубокихъ долинъ, спускающихся съ очень высокихъ горъ, здѣсь въ теченіе цѣлаго дня дуетъ сильный вѣтеръ, который затихаетъ только съ наступленіемъ ночи.

Изъ Урусліевскаго аула мы предполагали отправиться къ ледникамъ, находящимся на восточномъ склонѣ Эльбруса и въ верховьяхъ рѣки Адыла, но во время нашихъ сборовъ въ аулѣ приѣхалъ профессоръ Горнаго Института И. А. Мушкетовъ съ своей женой и въ сопровожденіи Измайлова Урусліева. Я очень обрадовался, узнавъ, что они также собираются побывать на глетчерахъ Эльбруса и условился съ ними на слѣдующій-же день отправиться къ глетчуру Азау, изъ котораго вытекаетъ Баксанъ.

Хотя сборы наши были не долгі, однако, выѣхать изъ аула удалось только въ двѣнадцатомъ часу дня; но такъ-какъ до Азау, у нижняго конца котораго рѣшено было переночевать, оставалось не болѣе шести часовъ ўѣзы, то мы не особенно торопились. Безпокоили насъ лишь опасенія на счетъ погоды, которая въ горахъ утромъ бываетъ почти всегда гораздо лучше, чѣмъ послѣ полудня.

Нашъ путь направлялся вверхъ по Баксанской долинѣ, дѣлающейся по мѣрѣ приближенія къ ея началу на склонахъ Эльбруса все живописнѣе. Горы, расположенные по обѣимъ сторонамъ ея, съ каждой верстой становятся выше и круче; болѣе чѣмъ до половины высоты ихъ покрываетъ крупный хвойный лѣсъ, далѣе слѣдуютъ обнаженные скалы, а еще выше—снѣгѣ. Множество большихъ и малыхъ горныхъ ручьевъ стремится съ нихъ къ Баксану. Къ этой главной долинѣ подходятъ еще нѣсколько глубокихъ второстепенныхъ, также украшенныхъ лѣсами, снѣгами и глетчераами. Къ нимъ принадлежатъ долины Ирика, Адыла, Терсъ-кола, Донгусъ-оруна и Усенги, о которыхъ будетъ сказано впослѣдствіи.

Вначалѣ мы ѿхали лужайками, расположенными по дну долины, а потомъ вступили въ густой хвойный лѣсъ. Онъ состоять изъ сосенъ среднихъ и довольно порядочныхъ размѣровъ, сверхъ того изъ ивы и березы, которыхъ, однако, не достигаютъ значитель-

ной величины. Ели и пихты, въ такомъ изобиліи растущихъ въ долинахъ Кубанской области, здѣсь вѣтъ буквально ни одного дерева; рододендроны и другіе верески встрѣчаются рѣдко. Вообще растительность далеко не разнообразна. Пройхавъ по лѣсу часа четыре, мы выбрались на небольшую красивую полянку, на которой стояла старая брошенная пастушья хижина съ нѣсколькими крытыми навѣсами въ родѣ сараевъ. Хотя намъ оставалось не болѣе часаѣзды до ледника, но такъ-какъ въ это время шелъ дождь, то мы предпочли остановиться подъ однимъ изъ навѣсовъ и уже на слѣдующій день, вставши по возможности рано, продолжать путь. Черезъ нѣсколько минутъ передъ нами уже шелъ большой костеръ изъ сухого сосноваго лѣса, пріятная теплота котораго пришлась очень кстати, потому что наше платье было мокро, а вечеръ далеко не теплый. На этомъ-же кострѣ приготвлялся чай и ужинъ.

Мѣсто нашего ночлега находилось тамъ, гдѣ долины Терсь-колъ и Донгусъ-оруи сходятся съ долиной Баксана. Еще съ вечера, когда большая часть горъ была скрыта въ облакахъ, мы замѣтили, что это мѣсто должно быть очень живописнымъ, а утромъ въ этомъ убѣдились вполнѣ. Отсюда видѣнъ большой хвойный лѣсъ Азау, почти прямо упирающійся въ ледникъ; вдали, на правой сторонѣ Баксана, съ поразительной ясностью обрисовывались правильные верхушки большихъ сосенъ Донгусъ-оруна и глетчеръ съ широкими боковыми моренами, а на лѣвой—бездѣная долина Терсь-колъ съ широкимъ, круто-спускающимся глетчернымъ полемъ. На склонахъ Баксанской долины также были видны фирновые глетчеры *).

Дорога къ Азау, по которой намъ пришлосьѣхать утромъ, также тянулась по крупному хвойному лѣсу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ былъ такъ густъ, что мы могли пробираться только по руслу одной небольшой рѣчки, впадающей въ Баксанъ. Она текеть все время по осыпямъ и валунамъ красноватаго вулканическаго туфа; поэтому вода въ ней совершенно непрозрачная и имѣеть видъ жидкой красноватой грязи. Дорогу указывалъ намъ знаменитый охотникъ Axia Сотаевъ, черный, высохшій, тощій, но сильный и крѣпкій мужчина лѣтъ около 50, который съ альпіанами два раза восходилъ на вершину Эльбруса и всегда

*.) Короткіе глетчеры, не спускающіеся по долинѣ, а висящіе на склонахъ горы.

удивлялъ ихъ какъ своей необыкновенной способностью лазить по горамъ, такъ и замѣчательно острымъ зрѣniемъ. Въ этотъ разъ ему пришлось долго брести по водѣ въ простыхъ маленькихъ башмакахъ (чабуры), но это его нисколько не смущало. Въ разстояніи около полуторы версты отъ ледника мы увидѣли старую морену, эрратические валуны которой были уже въ значительной степени обмыты и округлены водой. Она покоятся теперь въ сосновомъ лѣсу, окруженная со всѣхъ сторонъ деревьями обхвата въ два толщиною, и, безъ сомнѣнія, указываетъ черту, которой достигалъ ледникъ Азау въ прежнія времена.

Въ 6 часовъ утра мы выѣхали изъ лѣса на довольно обширную лужайку. Саженяхъ въ 100 отъ насъ находился глетчеръ Азау, нижній конецъ котораго былъ видѣнъ какъ на ладони. Когда мы подѣхали къ нему, чтобы осмотрѣть истоки Баксана и потомъ взобраться на ледъ, то увидѣли, что самая нижняя часть глетчера относительно узка (шаговъ 300 ширины) и оканчивается не отвѣсной стѣной, а крутымъ склономъ, пересѣченнымъ множествомъ глубокихъ поперечныхъ и косвенныхъ трещинъ; правый бокъ ледника прилегаетъ къ почти-отвѣснымъ скаламъ и имѣть лишь небольшія морены, лѣвая-же сторона его окаймлена цѣлымъ рядомъ параллельныхъ моренъ, достигающихъ шаговъ 100 ширины и сажень 30 высоты. Конечныя морены не велики и состоятъ изъ кучъ краснаго вулканическаго туфа, чернаго трахита съ бѣлыми вкраплинами сапидина и сѣраго ортоклазового порфира. Тутъ-же валялись куски очень красиваго ленточнаго трахита съ узкими прослойками чернаго туфа. Изъ подъ льда нѣсколькоими бурными потоками вытекаетъ Баксанъ. Высокаго ледянаго грота не оказалось и у этого глетчера.

Осмотрѣвъ нижнюю часть ледника, я съ своимъ спутникомъ Д. сталъ подниматься по лѣвой боковой моренѣ, а И. А. Мушкетовъ съ женой направился вверхъ, нѣсколько правѣе, по склону Эльбруса. Въ началѣ идти было очень тяжело, такъ-какъ подъемъ былъ круты, а мелкій щебень морены сильно осыпался, не представляя для ноги твердой опоры. Поднявшись на первый уступъ, мы увидѣли остроконечныя, высокія, но доступныя для человѣка скалы, стоящія непосредственно надъ глетчеромъ; они находились выше насъ футовъ на 1.000 и мы рѣшили подняться на нихъ, чтобы оттуда сразу увидѣть весь ледникъ; но, подойдя къ нимъ ближе, убѣдились, что взбираться на нихъ нѣть расчета, такъ-какъ за ними громоздились еще болѣе высокіе уступы,

которые не позволили-бы видеть верхнюю часть глетчера. Вследствие этого мы решили обойти их съ правой стороны и подниматься по склону широкой балки, начинающейся непосредственно отъ снѣговъ Эльбруса.

Такъ-какъ мы не прочь были поохотиться, то подвигались впередъ медленно и внимательно осматривали сосѣднія горы, надѣясь гдѣ-нибудь увидѣть туровъ или сернъ; при этомъ, чѣмъ выше поднимались, тѣмъ чаще и чаще встрѣчали слѣды туровъ. На одномъ холмѣ, состоящемъ изъ мелкаго щебня и находящемся, вѣроятно, на высотѣ около 11.000 футовъ, они были видны почти на каждомъ шагу и пересѣкались по всевозможнымъ направлѣніямъ. Нѣкоторые изъ нихъ отличались очень большой величиной и, безъ сомнѣнія, принадлежали самыми старыми, крупными самцами; слѣдовъ-же сернъ не попадалось вовсе, хотя животное это встрѣчается здѣсь не рѣдко.

Такимъ образомъ мы пробирались часа полтора по лѣвой сторонѣ балки, пока не достигли скалъ, поднимающихся отъ сѣйной стѣнной надъ поверхностью Азау въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ къ нему присоединяется короткій ледникъ, спускающійся съ Эльбруса. Не только пососѣству съ этими скалами, но и значительно ниже видны были порядочные клочки снѣга, а на разстояніи шаговъ 300 отъ нихъ начинался сплошной фирнъ Эльбруса. Судя по этому, высота скалъ должна быть около 11.200 или 11.300 футовъ надъ уровнемъ моря *), а таъ-какъ онъ значительно возвышаются надъ поверхностью ледника, то этотъ послѣдній видѣнъ съ нихъ отлично. Отсюда мы замѣтили, что онъ образуется изъ четырехъ отдѣльныхъ ледяныхъ потоковъ, получающихъ начало со снѣговъ Эльбруса (двѣ вѣтви), потомъ съ отрога Эльбруса, известного подъ именемъ Хоти-тау и составляющаго начало того кряжа, который соединяетъ Эльбрусъ съ Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, и, наконецъ, съ горъ, ограничивающихъ ледникъ съ правой стороны. Хотя одна изъ двухъ вѣтвей, начинающихъся на Эльбрусе, вѣроятно, длиннѣе всѣхъ прочихъ, но за начало глетчера скорѣе можно принять широкое ледяное поле, спускающееся съ Хоти-тау, именно съ того мѣста, гдѣ находится перевалъ Джиперъ *), ведущій въ Карабай.

*) По опредѣлению Абиха, высота сѣжной линіи на сѣверномъ склонѣ Эльбруса равняется 11.500 фут.

*) Если, стоя на леднике, обратиться лицомъ къ Джиперу, то вправо будетъ возвышаться Хоти-тау, а влѣво—Чегетъ-кара.

Эта вѣтвь широка и покрыта на поверхности тонкимъ слоемъ снѣга, изъ-подъ котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проглядываетъ сине-зеленый ледъ. На верху она безъ замѣтной граници переходитъ въ огромное, совершенно чистое, снѣговое поле, имѣющее нѣсколько верстъ въ длину и ширину. На его значительное протяженіе указываетъ уже то, что мы, осматривая его съ ближайшихъ скалъ, не могли замѣтить двухъ сванетовъ, шедшихъ по совершенно бѣлой поверхности. Въ это время была ясная погода и снѣгъ испускалъ такой яркій и ослѣпительный свѣтъ, что безъ темныхъ очковъ на него невозможно было смотрѣть.

Что касается боковыхъ вѣтвей Азау, то онѣ слѣдующія: верстахъ въ 3 или 4 отъ нижняго конца глетчера къ нему присоединяются двѣ вѣтви, одна съ правой стороны, другая съ лѣвой. Правая (южная) — коротка, изогнута и почти вся покрыта сверху снѣгомъ. Внизу поверхность ея болѣе ровная, а вверху замѣтно много трещинъ и ледяныхъ уступовъ. Эта небольшая вѣтвь едва-ли имѣеть болѣе полуторы версты въ длину и самыя незначительныя морены.

Лѣвая вѣтвь спускается съ Эльбруса и также не велика. Она лежитъ въ очень узкомъ, но глубокомъ ущельѣ, ограниченномъ почти отвесными стѣнами, и пересѣкается множествомъ по-перечныхъ трещинъ. Въ одномъ мѣстѣ русло ея образуетъ значительный уступъ, на которомъ ледникъ прерывается. Ниже этого мѣста снова тянется болѣе ровная поверхность, которая почти незамѣтно сливается съ поверхностью главной вѣтви. Внизу этого ледника торчатъ красивые, многогранные столбы фельзита.

Слѣдующая лѣвая вѣтвь спускается тоже съ Эльбруса. Нижняя часть ея имѣеть такой-же суровый видъ, какъ и ледникъ Мижирги, и состоитъ буквально изъ однѣхъ только высокихъ, остроконечныхъ, ледяныхъ пирамидъ, раздѣленныхъ глубокими трещинами. Вѣтвь эта тоже не широка, а начинается съ огромныхъ, снѣжныхъ полей, спускающихся съ обоихъ конусовъ Эльбруса. Моренъ по сторонамъ ея мы не видѣли вовсе.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ къ главной вѣтви присоединяются правая и первая лѣвая вѣтви, глетчеръ значительно расширяется, но и тутъ ширина его, вѣроятно, немногимъ болѣе версты; на половинѣ-же разстоянія между этимъ мѣстомъ и нижнимъ концомъ глетчера она равняется только 500 шагамъ. Если-бы за начало глетчера принять не Джиперь, а самую верхнюю часть

большой вѣтви, спускающейся съ Эльбруса, то вся длина Азау была бы, вѣроятно, около 8 или 9 верстъ.

Та часть ледника, которая тянется внизъ отъ мѣста соединенія отдѣльныхъ вѣтвей, имѣть очень ровную поверхность; только въ самомъ концѣ она изборождена глубокими, непроходимыми поперечными и косвенными трещинами; кромѣ того, глубокія ямы и высокіе ледяные бугры, покрытые грудами мелкаго, какъ порохъ, щебня находятся около лѣвой боковой морены. Трещины встрѣчаются, впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ, но очень узкія, т. е. не шире нѣсколькихъ дюймовъ; есть также грязевые полосы, обращенная выпуклостью къ концу глетчера. На правой сторонѣ глетчера морены узки, не высоки и состоять изъ сѣраго щебня, перемѣшанного съ такого-же цвѣта обломками камней; съ лѣвой стороны онѣ несравненно больше, тянутся въ нѣсколько параллельныхъ рядовъ и покрываютъ не только значительную часть глетчера, но располагаются и съ боку его.

Ледникъ Азау значительно отличается отъ другихъ, видѣнныхъ нами въ Терской области, тѣмъ, что образуется изъ сравнительно большого числа отдѣльныхъ ледяныхъ потоковъ и сильно стуживается къ нижнему концу. Въ этомъ отношеніи онъ болѣе прочихъ напоминаетъ нѣкоторые изъ ледниковъ Швейцаріи и въ особенности величайшій изъ нихъ—*Mer de Glace*; но Азау сильно уступаетъ ему въ величинѣ. Особенность его заключается еще въ томъ, что нижній конецъ его почти прямо упирается въ лѣсъ.

Осмотрѣвъ Азау, мы поднялись еще выше и такимъ образомъ подошли къ вѣчнымъ снѣгамъ Эльбруса. Тутъ была небольшая площадка, покрытая мелкими камнями и щебнемъ, съ которой открывался обширный и замѣчательно красивый видъ. Кавказскій хребеть съ его высочайшими вершинами былъ видѣнъ во всемъ грозномъ величіи и очаровательной прелести. Къ востоку, на сколько хваталъ глазъ, тянулась цѣль гигантскихъ горъ, вершины которыхъ съ изумительной ясностью обрисовывались на чистомъ темно-синемъ небѣ. Громадныя снѣжныя поля, освѣщенные яркими лучами солнца, сияли ослѣпительнымъ блескомъ, а на нихъ съ особеннымъ контрастомъ выдѣлялись громадныя, черныя скалы. Высокіе отроги горъ и глубокія ущелья пересѣкались по всевозможнымъ направленіямъ и представили такой лабиринтъ, который невозможно вообразить, не видавъ его въ дѣйствительности. Отсюда-же были видны

два тупые конуса съ широкимъ основаниемъ, это—объ вершины Эльбруса. Разстояніе до нихъ казалось настолько незначительнымъ и путь такимъ легкимъ, что добраться къ нимъ, повидимому, можно было бы часа въ $1\frac{1}{2}$ или два. На площадкѣ настъ было только двое; всюду кругомъ царила мертвая тишина, которая лишь по временамъ нарушилась отдаленными глухими, но могучими звуками. На Эльбрусѣ они слышны каждыя 5 или 10 минутъ; причина ихъ—ледяные и снѣжные обвалы и тресканье глетчеровъ. Къ съверу отъ настъ находилась глубокая и широкая балка. Съ вѣчныхъ снѣговъ Эльбруса по отвѣснымъ почти скаламъ въ нее скатывалось нѣсколько большихъ ручьевъ. Въ одномъ изъ нихъ почти ежеминутно происходили небольшие каменные обвалы. Мы долго наблюдали, какъ камни летѣли на дно балки, ударялись и разбивались о скалы. Вслѣдствіе необыкновенной чистоты и прозрачности воздуха все это происходило какъ будто совсѣмъ близко, но звуки отъ ударовъ камней вовсе не доносились до нашего уха.

Осматривая горы, мы увидѣли на противоположной сторонѣ балки группу людей и тотчасъ догадались, что это были разставшіеся съ нами еще утромъ наши спутники. Мы порѣшили прорѣться къ нимъ. Чтобы избѣжать длиннаго и утомительнаго спуска и подъема, я предлагалъ моему товарищу пересѣчь балку у самаго начала ея и пройти подъ нависшими, вѣчными снѣгами Эльбруса, но онъ опасался этой дороги и сомнѣвался въ возможности взобраться тутъ на скалы противоположной стороны балки. Вслѣдствіе этого намъ пришлось перебираться черезъ нее гораздо ниже и употребить на это часа полтора. Взираясь на противоположный склонъ ея, мы увидѣли двухъ человѣкъ съ ружьями, которые направлялись къ намъ и какъ будто хотѣли догнать настъ. Когда они нѣсколько приблизились, то оказалось, что одинъ изъ нихъ былъ Измаилъ Уруслбіевъ, который не могъ выѣхать вмѣстѣ съ нами изъ аула и только теперь отыскалъ настъ въ этихъ трущобахъ, а другой—мальчикъ, сынъ Ахіа, въ будущемъ, вѣроятно, такой же охотникъ, какъ и его отецъ.

Поднявшись еще на нѣсколько уступовъ и перейдя два небольшія снѣжныя поля, мы встрѣтили наконецъ И. А. Мушкетова съ его женой. Измаилъ Уруслбіевъ предложилъ мнѣ по пробовать поохотиться за турами; я принялъ его предложеніе, но прежде чѣмъ идти хотѣлъ посмотреть находящійся недалеко отсюда ледникъ Гара-бashi. Полчаса спустя часть нашей компа-

ні отправилась внизъ къ стоянкѣ, я—къ леднику, а Измайлъ, его сынъ Наурузъ и Axia остались пока на мѣстѣ.

Пройдя съ полверсты и перевалившись черезъ небольшую возвышенность, я очутился на самой окраинѣ ледника и увидѣлъ сѣдующее: ледникъ начинается у обширнаго, обрывистаго снѣжнаго поля, расположеннаго на ЮВ. склонѣ Эльбруса. Въ началѣ онъ относительно широкъ, а потомъ сильно суживается и въ концѣ едва ли имѣеть болѣе 50 или 60 саженьширины. Длина его также небольшая, а поверхность ничего особеннаго не представляетъ; движется онъ въ глубокой крутой балкѣ. Склоны Эльбруса, прилегающіе къ Гара-бashi, состоять изъ легко разсыпающихся красноватыхъ туfovъ и трахитовъ, вслѣдствіе чего рѣчка, вытекающая изъ-подъ льда, имѣеть мутную, непрозачную, красноватую воду. По словамъ Измаила Урусбіева, Гара-бashi-чиранъ прежде (лѣтъ 30 или 35 тому назадъ) спускался гораздо ниже, гдѣ его ущелье становится еще болѣе узкимъ и крутымъ. Съ правой стороны ледника находятся осыпи, съ лѣвой—не особенно высокій кряжъ, также состоящей изъ вулканическихъ туfovъ и трахитовъ, а тотчасъ за нимъ ледникъ Терсь-колъ.

Когда я возвратился, Измайлъ посовѣтовалъ мнѣ вторично перебраться черезъ ту балку, гдѣ мы съ нимъ встрѣтились, и засѣсть съ лѣвой стороны ея, въ одномъ изъ проходовъ, черезъ которые по большей части пробираются туры, если ихъ вспугнуть на горахъ около ледника Гара-бashi. Со мною пошелъ Наурузъ, а Измайлъ вмѣстѣ съ Axia отправились вверхъ по окраинѣ балки. Мнѣ опять пришлось часа полтора пробираться то по скаламъ, то по крутымъ косогорамъ, покрытымъ скользкой травой. Часовъ въ 12 дня мы достигли указаннаго мѣста и отсюда увидѣли въ бинокль Измаила и Axia на противоположной сторонѣ балки. Невооруженнымъ глазомъ ихъ рѣшительно нельзя было разсмотретьъ, да и въ сильный бинокль они представлялись маленькими, какъ куклы.

Часа три мы провели въ ожиданіи туровъ, но не видѣли ни одного. За это время я собралъ десятка полтора растеній, свойственныхъ высотамъ около 11.000 футовъ. Особенно красивы были крошечные генцианы (*Gentiana pyrenaica*), у которыхъ одиночный цветокъ величиной превосходитъ все остальное растеніе и имѣеть вѣничекъ великоклѣнаго синяго цвета.

Изъ птицъ мы видѣли нѣсколькихъ завирушекъ, альпійскихъ воронъ и галокъ (*Fregilus graculus* и *Rhyocorax alpinus*), да

пустельгу (*Cerchneis tinnunculus*). Я даже былъ удивленъ, уви-дѣвъ эту послѣднюю на столь значительной высотѣ.

Часа за два до наступленія вечера я снова отправился къ леднику Азау, съ цѣлью перейти его въ поперечномъ направленіи и шагами измѣрить ширину. Выбравъ сравнительно узкое мѣсто, находящееся верстахъ въ двухъ отъ нижняго конца его, я спустился съ весьма крутого, скользкаго склона и потомъ не безъ затрудненія перебрался черезъ лѣвую боковую морену. Она и здѣсь образовала пѣсколько высокихъ параллельныхъ грядъ изъ мелкаго, какъ песокъ, щебня, въ которомъ глубоко тонула нога.

Одна часть ея лежала на твердой почвѣ, а другая на льду, представлявшемъ высокіе бугры, раздѣленные ямами и канавами, черезъ которыхъ нужно было перебираться съ большой осторожностью, такъ-какъ, поскользнувшись, легко было упасть въ нихъ. Опасность усиливалась еще отъ того, что я былъ одинъ и потому не могъ воспользоваться посторонней помощью, еслибы даже попалъ и въ сравнительно не глубокую яму, но со скользкими и крутыми боками.

Морена была отъ 100 до 150 шаговъ ширины, а за нею слѣдовала ровная и почти совершенно чистая поверхность глетчера. Трещины здѣсь были рѣдки, и притомъ очень узки, поэтому я безъ малѣйшаго затрудненія перешелъ черезъ эту часть глетчера и достигъ правой боковой морены, которая имѣла лишь нѣсколько шаговъ ширины и едва возвышалась надъ уровнемъ льда; виѣшней своей стороной она прямо упиралась въ отвесныя скалы. Чистая поверхность глетчера, какъ оказалось, имѣла 400 шаговъ ширины, да полоса льда шаговъ въ 100 была завалена моренами; такимъ образомъ, въ этомъ сравнительно узкомъ мѣстѣ вся ширина ледника доходила до 500 шаговъ или аршинъ; версты-же на полторы выше ледникъ былъ по-крайней-мѣрѣ въ три или четыре раза шире и, слѣдовательно, имѣлъ отъ 1.500 до 2.000 шаговъ. Такимъ образомъ Азау по величинѣ сильно уступаетъ нѣкоторымъ другимъ ледникамъ Кавказа, напр., леднику Бизинги, Адылу, Марухскому *) и т. д.

Чтобы сократить дорогу къ нашей стоянкѣ, я пошелъ черезъ ледникъ въ косвенномъ направленіи, надѣясь перейти морену нѣсколько ниже; но, пройдя версты полторы, забрался въ

*) Марухскій ледникъ въ верховьяхъ реки Марухи (Кубанская обл., Батампашинский уѣздъ).

такія трущобы, гдѣ морена оказалась совершенно непроходимой по причинѣ множества глубокихъ канавъ, трещинъ и ямъ во льду. Я спустился еще ниже, думая гдѣ-нибудь найти выходъ, но, какъ оказалось, напрасно: лѣвый край ледника становился все болѣе и болѣе неприступнымъ. Такъ-какъ дѣло уже клонилось къ вечеру и началь накрапывать дождь, то нужно было торопиться, чтобы не быть застигнутымъ темнотой и туманомъ на глетчерѣ. Нижнюю часть его я осмотрѣлъ еще утромъ и уѣдился, что пройти черезъ нее невозможно; оставалось такимъ образомъ одно средство—идти снова вверхъ и перебраться черезъ морену тамъ, гдѣ я перешелъ ее раньше. Съ сокрушеннымъ сердцемъ направился я быстрыми шагами вверхъ по глетчеру, отыскать свои слѣды на моренѣ и по нимъ выбрался, наконецъ, на твердую землю. Спускаясь съ послѣдняго склона, отстоящаго не болѣе какъ на полверсты отъ нашей стоянки, я увидѣлъ Наурзу Урусбіева, который напрасно еще часа полтора ожидалъ туровъ. Передъ самыми сумерками мы пришли вмѣстѣ съ нимъ къ стоянкѣ. Наши спутники къ этому времени уже успѣли побѣдать и заснуть.

Часто уличаютъ путешественниковъ въ черезчуръ подробномъ и обстоятельномъ описаніи того, что они ъели, когда и гдѣ. Несмотря на это, я не могу не упомянуть о томъ, съ какимъ наслажденiemъ вышелъ я коняку и принялъ за кашу, баранину и чай послѣ того, какъ цѣлый день, ничего не ъевши, карабкался на высотахъ отъ 7 до 11 или 12 тысячъ футовъ.

Утромъ слѣдующаго дня мы оставили Азау и отправились обратно внизъ по Баксану; прежде возвращенія въ Урусбій я хотѣлъ еще дня 2—3 употребить на осмотръ главнѣйшихъ боковыхъ долинъ, примыкающихъ къ Баксанской. Съ лѣвой стороны къ ней подходитъ короткая, безлѣсная, но покрытая хорошей травой долина Терсъ-колъ *), въ верхней части которой находится короткій-же, но сравнительно широкій ледникъ; его горды называются Терсъ-колъ-чиранъ. Онъ начинается съ большого снѣжного поля юго-восточного склона Эльбруса и очень близко подходитъ къ долинѣ Баксана. Поверхность его очень крута и пересѣкается такимъ множествомъ трещинъ, что ходить по ней едва-ли можно; поэтому мы ограничились осмотромъ его съ лѣваго склона долины. Размеры ледника оказались очень неболь-

*) Терсъ—кривой, колъ—балка.

шими: по срединѣ ширина приблизительно съ версту; длину же я не могъ определить точно, но, по словамъ Измаила, она немногимъ больше ширины. Если смотрѣть на этотъ ледникъ снизу, то онъ имѣетъ видъ прямоугольного трехугольника съ притупленными углами. Значительно ниже его находятся морены, доказывающія, что въ прежнія времена и онъ былъ значительно больше.

Съ правой стороны къ главной долинѣ подходитъ короткая, лѣсистая долина Донгусъ-орунъ *) съ глетчеромъ, находящимся въ верховьяхъ ея; проѣхать въ нее не было, однако, возможности, такъ-какъ мостъ черезъ Баксанъ былъ снесенъ водой; но Измаиль предложилъ намъ взобраться на одно возвышеніе, съ кото-раго долина хорошо видна. Оттуда мы увидѣли, что ледникъ Донгусъ-орунъ начинается съ не особенно большого снѣжного поля. Онъ немного шире Терсъ-кола, по раза въ три длиннѣе его и покрытъ на поверхности большой массой обломковъ скаль. По бокамъ его находятся очень высокія морены и, судя по тому, что на нихъ растутъ порядочные деревья, онъ должны быть не особенно новаго происхожденія. Мы обратили вниманіе на большия груды камней, напоминающія очень старыя морены, лежащія на днѣ Баксанской долины, противъ устья Донгусъ-оруна. Онъ тянутся вдоль Баксана и почти подъ прямымъ угломъ къ Донгусъ-оруну. Вѣроятнѣе всего, что эти груды суть морены, образовавшіяся въ прежнія геологическія эпохи, когда ледники Кавказа достигали гораздо большихъ размѣровъ.

Около часу по-полудни мы достигли того мѣста, гдѣ соединяются долины Баксана и Адыла. Здѣсь наше общество раздѣлилось: И. А. Мушкетовъ и Измаиль Уруслбіевъ отправились обратно въ аулъ, а я, мой спутникъ Д. и Axia—въ большую долину Адыла.

IV.

Долина Адыла.—Дороги.—Лавины.—Путешествіе пѣшкомъ.—Огромный обвалъ и его послѣдствія.—Ледники Адыль и Бжедухъ.—Общія замѣчанія о ледникахъ.—Звѣри, птицы, пресмыкающіеся и амфибіи Пятигорскаго округа.—

Растительность верхняго пояса горъ.

Кто хочетъ видѣть самую суровую горную природу, самое

*) Донгусъ-орунъ означаетъ свиной базъ. По объясненію горцевъ, это

дикое ущелье и самый страшный изъ глетчеровъ, тотъ пусть не устранится отвратительнѣйшихъ горныхъ тропинокъ, множества лавинъ, падающихъ во всѣ времена года, пропастей, овраговъ и проберется въ верховья Адыла. Князь Измаиль Урусбіевъ говорилъ мнѣ, что знаменитый изслѣдователь Кавказа Абихъ былъ сильно пораженъ суровостью природы этого ущелья и совѣтовалъ ему рекомендовать путешественникамъ Адылъ, какъ мѣсто самое замѣчательное по дикости и грандіозности.

Въ началѣ это ущелье тянется почти отъ сѣвера къ югу, потомъ, повернувъ вѣво, раздѣляется на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна тянется прямо на югъ, а другая—болѣе къ востоку. Вторая вѣтвь ничего особеннаго не представляетъ, первая же, называющаяся Шихильды, интересна во многихъ отношеніяхъ. По дну всего ущелья, прыгал со скалы на скалу, съ оглушительнымъ ревомъ несется порядочная рѣчка. Она столь быстра, что на берегу ея безпрерывно слышишь глухой стукъ камней, которые она катить по каменистому дну; вода въ ней такая мутная, что только по необходимости мы могли пить ее и приготовлять на ней чай. Переѣзжать черезъ Адылъ верхомъ въ лѣтнее время никто не отваживается. Дно и склоны ущелья покрыты крупнымъ лѣсомъ, въ которомъ, кромѣ сосны, занимающей самое видное мѣсто, растетъ еще береза и осина, а изъ кустарниковъ смородина, малина и жимолость (*Lonicera*); на небольшихъ полянахъ попадается еще очень много хорошей земляники. Лѣсъ во многихъ мѣстахъ такъ густъ, что черезъ него едва можно пробираться. Мѣстные жители увѣрлютъ, что въ немъ водится много медведей, тогда-какъ кабаны и олени не встречаются вовсе; на верхней границѣ его попадаются также серны, а еще выше туры (*Capra Caucasicus Guld.*). Итицъ во всемъ ущельи крайне мало.

Дорога по долинѣ Адыла только въ началѣ, на разстояніи верстъ трехъ, сносная, а дальше самая отвратительная. Она то извивается надъ прочастями, то поднимается на крутыя склоны или спускается съ нихъ, то проходить между такими густыми деревьями, что, путешествуя верхомъ, едва ухитришься уберечь свои колѣна, то извивается по скаламъ и камнямъ, гдѣ лошадь съ трудомъ находитъ сколько-нибудь надежную опору для сво-

---

мѣсто названо такъ потому, что прежде на лѣто гурійцы пригоняли сюда своихъ свиней. На пятиверстной карте это мѣсто названо Донгусъ-зары.

ихъ ногъ. Тутъ приходится слѣзать съ сѣдла каждыя 3 или 4 минуты и такимъ образомъ половину дороги пройти пѣшкомъ. Наконецъ, самая непріятная вещь—это частые перезды черезъ снѣжныя лавины. Ни въ одномъ ущельѣ я не видѣлъ такого множества ихъ, какъ въ этомъ; по рассказамъ мѣстныхъ жителей, рѣдко проходитъ годъ, чтобы въ Адылѣ не засыпало снѣгомъ кого-нибудь изъ охотниковъ или пастуховъ; впрочемъ, не однѣми человѣческими жертвами прославился Адыль: даже осторожные и привычные къ горамъ туры здѣсь не въ безопасности. Однажды, напр., нашли 13 штукъ ихъ, сброшенныхъ лавиной на дно ущелья и болѣе или менѣе засыпанныхъ снѣгомъ.

Первую лавину мы встрѣтили еще при началѣ пути. Тутъ на вершинѣ горы есть открытая съ одной стороны котловина; въ нее зимой набивается много снѣга, который весной или лѣтомъ скатывается оттуда въ видѣ лавинъ, направляющихся по руслу небольшой, впадающей въ Адыль рѣчки. Недавно въ этомъ мѣстѣ былъ увлеченъ и засыпанъ лавиной одинъ охотникъ. Подъѣхавъ къ рѣчкѣ, мы увидѣли, что она завалена снѣгомъ и течетъ какъ-бы въ туннелѣ, на сводѣ которого въ болѣе тонкихъ мѣстахъ образовалось нѣсколько большихъ отдушинъ, сажени въ двѣ глубину. Такъ-какъ толщину, а слѣдовательно, и прочность снѣгового свода по вѣнчному виду опредѣлить нельзя, то невозможно и поручиться, что онъ выдержитъ тяжесть лошади вмѣстѣ съ всадникомъ; поэтому, перебѣжая такія мѣста, всегда испытываешь особенно непріятное чувство. Еще непріятнѣе то, что миновать ихъ тутъ нельзя, такъ-какъ съ одной стороны тропинки поднимается стѣна скалъ, а съ другой—течетъ рѣка. Множество большихъ, повалившихся на дорогу, деревьевъ также составляютъ немаловажное препятствіе: нѣкоторые изъ нихъ, зацепившись вѣтвями за своихъ сосѣдей, висятъ надъ дорогой и не позволяютъ проѣхать. При такихъ условіяхъ приходится слѣзать съ лошади; но случалось, что лошадь могла проходить подъ деревомъ, а лука сѣдла цѣплялась за него. Тогда нужно было разсѣдливать всѣхъ лошадей и тогчась снова сѣдлать ихъ. На протяженіи не болѣе версты это удовольствіе намъ пришлось испытать три раза.

Промучившись такимъ образомъ часа два, мы выбрались на небольшую поланку, находящуюся въ томъ мѣстѣ, где ущелье раздѣляется на двѣ вѣтви, и рѣшили оставить здѣсь лошадей и идти дальше пѣшкомъ. Axia спряталъ сѣдла и лишнія вещи

подъ камни, навьючили на осла только необходимое для ночлега теплое плащье и небольшой запасъ провизіи и вмѣстѣ съ нами отправился вверхъ по ущелью. Дальше тропинка оказалась такой плохой, чтоѣхать по ней не было-бы никакой возможности. Передъ сумерками мы нашли на берегу Адыла небольшой шалашъ и въ немъ остались переночевать.

На слѣдующее утро мы продолжали пѣшкомъ подниматься по долинѣ Шихильды, гдѣ Адыль течеть въ глубокой балкѣ по самой дикой мѣстности, всюду загроможденной грудами камня и старыми моренами. Щѣлые скалы въ десятки и сотни тысячъ пудовъ вѣсомъ валяются по бокамъ рѣки и на днѣ ея; остатки снѣжныхъ лавинъ даже среди лѣта видны всюду по обоимъ склонамъ долины, а самое русло Адыла такъ загромождено ими, что онъ гораздо болѣе половины всего пространства течеть подъ снѣговымъ покровомъ. По бокамъ Адыла, на пространствѣ верстъ четырехъ отъ нижняго конца глетчера, находящагося въ верховьяхъ этой рѣки, тянутся груды камней. Это, безъ сомнѣнія, древнія боковые морены. Еще больше камней и щебня нагромождено вблизи нижняго конца глетчера.

Особенно суровый видъ долины, носящій отпечатокъ како-то страшной катастрофы, объясняется слѣдующимъ замѣчательнымъ событиемъ:

По разсказамъ мѣстныхъ жителей, лѣтъ 18 тому назадъ громадная, скалистая гора, поднимавшаяся отвѣсной стѣной у пазала главной вѣтви глетчера и еще раньше отдѣлившаяся отъ остальной части хребта узкимъ промежуткомъ въ родѣ трещины, обрушилась на ледъ. Она, какъ и всѣ горы въ верховьяхъ Адыла, была очень высока и поднималась надъ глетчеромъ отвѣсной стѣной въ нѣсколько тысячъ футовъ высоты; вѣсъ ея нужно измѣрять билліонами пудовъ. Свалившись, она ударилась о сосѣднюю гору, разбилась сама, сбила часть этой послѣдней и огромная масса каменныхъ обломковъ покатилась по глетчуру и дальше внизъ по долинѣ Адыла (Шихильды). Камни засыпали весь глетчерь длиною верстъ въ 7, потомъ еще ниже, на протяженіи верстъ четырехъ, совершенно уничтожили крупный сосновый лѣсъ на днѣ долины и такъ запрудили рѣку, что она образовала нѣсколько озеръ. Землетрясеніе и страшный гулъ, произведенный паденіемъ горы и продолжавшійся все время, пока обломки ея катились по ущелью на разстояніе болѣе десяти верстъ, слышны были въ Урусбѣ и сосѣднихъ съ нимъ мѣстахъ.

Все ущелье Адыла наполнилось темной пылью, закрывшей свѣтъ солнца и казавшейся издали густымъ, чернымъ туманомъ. Люди, находившіеся недалеко отъ мѣста катастрофы, въ испугѣ прияли это явленіе за конецъ свѣта, молились Богу, а женщины, говорить, даже падали въ обморокъ.

До-сихъ-поръ почти вся поверхность глетчера засыпана обломками свалившейся горы, которые образуютъ слой камня и щебня въ нѣсколько аршинъ толщины. Только въ концѣ и по бокамъ глетчера есть крутые склоны обнаженного льда. Большия камни, валяющіеся ниже, на всемъ пространствѣ долины Шихильды, суть также остатки обрушившейся горы. Прежде въ концѣ ущелья была довольно большая поляна, на которой косили сѣно, теперь отъ нея остался клочокъ, имѣющій лишь нѣсколько сажень въ длину и ширину, а все остальное завалено камнями.

Когда мы приблизились къ глетчуру, то увидѣли еще большую балку, спускающуюся съ горъ по лѣвой сторону Адыла. Она на всемъ протяженіи была завалена сугробами снѣга, подъ которымъ текла порядочная рѣчка. Нижній конецъ глетчера образуетъ здѣсь выпуклую внизъ дугу, а Адылъ вытекаетъ изъ-подъ льда многими мутными потоками. Чтобы составить общее представление о леднике, мы рѣшили взобраться на одну гору, возвышающуюся съ лѣвой стороны его. Я забылъ мѣстное название ея, но помню, что оно означаетъ „низкая гора“. На эту низкую гору намъ пришлось карабкаться отъ конца глетчера ровно два часа.

Съ нея мы увидѣли, что ледникъ Адылъ образуется изъ двухъ вѣтвей, одной—спускающейся съ восточной стороны, а другой—съ западной. Первая вѣтвь довольно значительная (версты 3—4), вторая гораздо меньше. Отъ мѣста соединенія ихъ тянется главная, наибольшая часть глетчера, имѣющая не менѣе 6 или 7 верстъ въ длину. Вверху она шире, а къ нижнему концу замѣтно суживается. Средняя ширина ея, по всей вѣроятности, не менѣе полуторы версты. Поверхность боковыхъ вѣтвей чистая и только пересекается трещинами, чѣ-же касается главной вѣтви, то она, за исключеніемъ самой верхней части *), на

*) Прежде и эта часть глетчера была засыпана обломками горы, но со временемъ обвала она сдвинулась ниже, а мѣсто ея занялъ чистый ледъ, составившій прежде боковыя вѣтви.

пространствъ верстъ 6-ти завалена непрерывной грудой камней и на первый взглядъ мало напоминаетъ глетчеръ. Рядомъ съ мелкими обломками тутъ лежать каменные глыбы въ нѣсколько кубическихъ сажень, а ледъ проглядываетъ только на крутыхъ склонахъ, гдѣ камни не могутъ задерживаться. Недалеко отъ нижняго конца на ледникѣ находятся огромныя воронкообразныя впадины и большия бугры или выступы, покрытые щебнемъ. Что касается моренъ, то западная вѣтвь почти не имѣеть ихъ, а у восточной онъ довольно порядочной величины только съ правой стороны. Боковыя морены главной вѣтви также не велики. Съ „Низкой горы“ можно было различить то мѣсто, гдѣ прежде стояла обрушившаяся на ледникъ гора.

Осмотрѣвъ глетчеръ сверху, я спустился внизъ и, перейдя морену, взошелъ на ледъ, который почти всюду пересѣкался множествомъ трещинъ, засыпанныхъ камнями до самаго верху; а поверхность глетчера представляла такой хаосъ, что по ней едва можно пробираться. По свидѣтельству мѣстныхъ жителей, ледникъ Адылъ теперь замѣтно увеличивается.

Съ праваго склона долины Адыла свѣшивается еще небольшой глетчеръ Бжедухъ. Онъ держится на очень крутомъ склонѣ, вверху и внизу пересѣченъ множествомъ трещинъ, а по срединѣ имѣть сравнительно чистую и гладкую поверхность. Образуя на половинѣ длины сильный изгибъ, онъ напоминаетъ своей формой чулокъ. Только нижняя часть его окаймлена красивыми издали боковыми моренами.

Изъ Адыла мы возвратились въ Урусбіевскій ауль и, пробывъ здѣсь еще два дня, отправились въ Нальчикъ. Оканчивая описание путешествія по горамъ, я не могу не сказать нѣсколько словъ о князьяхъ Урусбіевыхъ, которые всегда оказывали самый радушный приемъ всѣмъ путешественникамъ. Мне пришлось коротко познакомиться съ Измаиломъ и Магометомъ, и оба они произвели на меня весьма приятное впечатлѣніе своимъ добродушемъ, простотой и гостепримствомъ. Измаилъ оказался, сверхъ того, человѣкомъ весьма наблюдательнымъ и любознательнымъ. Онъ сообщилъ мнѣ много интереснаго о различныхъ птицахъ, водящихся въ горахъ, о ледникахъ и многихъ другихъ вещахъ. Въ Нальчикѣ мы познакомились еще съ третьимъ членомъ того же семейства, Хамзатомъ, который соединялъ въ себѣ всѣ хорошия качества своихъ братьевъ.

Прим. Чтобы покончить съ верховьями Баксана, нужно-бы сказать еще о долинахъ Уссеңги и Ирика. Но первая ничего особенного не представляетъ и имѣть не болѣе 12 верстъ длины. Внизу она покрыта лѣсомъ, а въ верховьяхъ, на склонахъ Главного хребта, безлѣсна и скалистя. Черезъ нее проходитъ самый короткій путь изъ Уруслія на южный склонъ, но вслѣдствіе крутизны и частыхъ лавинъ онъ считается самымъ опаснымъ. Долина Ирика, начинающаяся на склонѣ Эльбруса, судя по рассказамъ жителей, гораздо интереснѣе, но за недостаткомъ времени мнѣ пришлось отложить путешествіе по ней до будущаго времени.

За пребываніе въ горахъ въ теченіе мѣсяца мнѣ пришлось увидѣть восемь глетчеровъ и изъ нихъ пять разсмотрѣть довольно тщательно. По расположению моренъ, сравнительно, недавняго происхожденія можно было замѣтить, что всѣ ледники, исключая Адыль, за послѣдніе десятки лѣтъ сильно уменьшились. Что касается Адыла, то и онъ прежде былъ больше, потомъ, вѣроятно, въ одно время съ другими глетчераами началъ уменьшаться и, какъ мнѣ говорили жители Уруслія, только послѣ описанной раньше катастрофы снова замѣтно увеличился. Увеличеніе его объясняется, конечно, тѣмъ, что, будучи заваленъ сверху толстымъ слоемъ камней и щебня, онъ не нагрѣвается лучами солнца и почти не таетъ на поверхности. Удлинился еще немногого (сажень на 200) за послѣдніе два года ледникъ Мижирги, но далеко не достигъ тѣхъ размѣровъ, которые онъ имѣлъ лѣтъ 30 или 40 тому назадъ. Удлиненіе его, вѣроятно, зависѣло отъ какихъ-либо чисто случайныхъ, мѣстныхъ причинъ, кромѣ того, оно настолько незначительно, что не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Такимъ образомъ, мы можемъ принять за несомнѣнныи фактъ, что ледники Кавказа уменьшаются въ послѣднія полсотни или сотню лѣтъ *).

Во многихъ долинахъ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ теперешнихъ глетчерьовъ, находятся еще другія, очень древнія морены, валуны которыхъ отъ влиянія вышнихъ причинъ утратили свою первоначальную форму и болѣе или менѣе округ-

*) Многие изъ горцевъ помнятъ то время, когда ледники были гораздо больше, чѣмъ теперь. Въ аулѣ Визнаги помнятъ даже, когда ледники Мижирги и Визнаги, отстоящіе теперь версты на 2 другъ отъ друга, въ нижней части соединялись въ одно общее глетчерьное поле.

лились. Такія морены представляютъ большія груды камней, промежутки которыхъ наполнены уже землею; многія изъ нихъ лежать въ лѣсахъ, окруженыя деревьями, обхвата въ два толщины; часто можно видѣть порядочныя деревья, растущія и на самыхъ моренахъ. Эти морены свидѣтельствуютъ о гораздо большихъ размѣрахъ ледниковъ въ относительно давнія времена, т. е. въ предыдущія геологическая эпохи. Мне кажется болѣеѣ вероятнымъ предположеніе, что они образовались въ періодъ отложения пліоценовыхъ пластовъ (песчано-глинистая или каспійская формациія Барбогъ-де-Марни), когда теперешнія Каспійское, Аральское, Черное и Азовское моря составляли одинъ обширный бассейнъ. Тогда климатъ прилегающихъ къ нему странъ былъ влажнѣе, количество атмосферныхъ осадковъ большее, а температура, судя по ископаемымъ остаткамъ, почти такая, какъ теперь. Конечно, въ это время ледники должны были имѣть значительно большия размѣры *).

Труднѣе опредѣлить причину уменьшения глетчеровъ въ самое послѣднее время, т. е. въ періодъ отъ 50 до 100 лѣтъ. За это время климатъ существенно не измѣнился, количество лѣсовъ не убавилось сильно, все какъ будто-бы осталось по прежнему, а ледники уменьшились весьма замѣтно.

Въ отношеніи богатства звѣрями горы и предгорья Пятигорского округа представляютъ полную противоположность. Въ лѣсахъ, расположенныхъ по предгорьямъ, кроме самыхъ обыкновенныхъ звѣрей, каковы волки, лисицы, зайцы, водится много медведей, оленей, кабановъ и козъ, въ горахъ-же на склонахъ Главнаго хребта и его высокихъ отрогахъ попадаются только горные козлы (туры) и серны. Извѣстно, что въ горахъ Кавказа живеть не менѣе трехъ видовъ козловъ, но изъ нихъ безоаровый (*Hircus Aegagrus*) и туръ, описанный впервые профессоромъ Рул-

*) Очень сожалѣю, что въ то время, какъ я писалъ эту статью, у меня не было подъ рукой тѣхъ сочиненій Абиха, въ которыхъ онъ говорить о ледникахъ Кавказа. Онъ признаетъ, что и на Кавказѣ существовалъ когда-то ледниковый періодъ, но я не помню, къ какой геологической эпохѣ онъ относить его. Если ледники Кавказа достигали наибольшей величины въ періодъ отложения степного известняка и каспійской формациіи, то этотъ періодъ по времени вовсе не соответствуетъ ледниковому періоду остальной Европы и, строго говоря, не можетъ быть названъ этимъ именемъ.

лье и названный имъ Aegoceros Pallasiⁱⁱ *), здѣсь не встрѣчаются вовсе. Тутъ живеть только Сарга Caucasica Guld., т. е. тотъ видъ, описание которого сдѣлано Палласомъ по замѣткѣ, оставшейся послѣ смерти Гюльденштедта **).

Туры и серны встрѣчаются здѣсь далеко не въ такомъ изобиліи, какъ на горахъ Кубанской области. Въ верховьяхъ Черека, напр., три охотника, лазившіе съ утра до вечера по горамъ, не только ничего не убили, но и не сдѣлали ни одного выстрѣла. Медвѣдь, самый обыкновенный звѣрь Кавказскихъ горъ, здѣсь встрѣчается тоже рѣдко. Такой недостатокъ дичи объясняется какъ полнымъ отсутствиемъ лѣсовъ во многихъ долинахъ Пятигорского округа ***), такъ и сравнительно густымъ населеніемъ горъ. Въ болѣе лѣсистыхъ верховьяхъ Баксана звѣрей замѣтно больше. Тутъ Измаиль Урусбіевъ убилъ молодую самку Сарга Caucasica и я тщательно осмотрѣлъ ее. Это былъ довольно статный и красивый экземпляръ рыжевато-сераго цвѣта, имѣвшій на спинѣ и на передней поверхности ногъ по темной полосѣ; заѣдь у него былъ, какъ у козы и оленей во время зимы, бѣлаго цвѣта; хвостъ короткій (около 6"), покрытый сверху черно-буровой шерстью, а снизу голый. Копыта тоже чернаго цвѣта съ просвѣщающимъ мѣстами бѣлымъ роговымъ веществомъ. При сдираніи кожи я обратилъ вниманіе на толстую подушку изъ соединительной ткани, находившуюся на грудной кости. Животному, часто отдыхающему на твердыхъ камняхъ, она, конечно, такъ-же полезна, какъ ламѣ или верблюду мозоли на груди и сочлененіяхъ ногъ.

Другое животное, о которомъ стдить упомянуть, это сурукъ, описанный Менетріѣ и названный имъ Spermophilus musicus ****). Онъ встрѣчается здѣсь въ огромномъ количествѣ, но, сколько я замѣтилъ, не поднимается такъ высоко, какъ въ верховьяхъ Кубани. Больше всего сурковъ мы видѣли въ Баксанской долинѣ, ниже Урусбіева аула. Тутъ безпрерывно слышенъ

*) Aegoceros Pallasiⁱⁱ Rouill. или Сарга Pallasiⁱⁱ другихъ авторовъ есть переходная форма отъ козловъ къ барабамъ; къ западу отъ Дихъ-тау и Каштанъ-тау я никогда не встрѣчала его; на Казбекѣ и въ верховьяхъ Ардона онъ очень обыкновенъ.

**) P. S. Pallas. Acta Acad. Imper. Sc. 1779 г. 11, p. 273.

***) Верховья Черека и Чегема совершенно безлѣсны.

****) Ménétries. Catalogue raisonné, p. 21.

ихъ звонкій, похожій на птичье чириканье, голосъ. Около ледника Мижирги я поймалъ еще полевку (*Arvicola*).

Птицъ намъ попадалось гораздо больше. Особеннымъ обилиемъ ихъ отличаются равнины, расположенные у предгорій Кавказа. По пути отъ желѣзной дороги къ Нальчику мы встрѣтили несмѣтное количество горлицъ; утромъ ихъ можно видѣть по нѣсколько штука въ почти на каждомъ кустѣ и на каждомъ стогѣ сѣна. Фазановъ также очень много; доказательствомъ этому служитъ изрядное количество живыхъ и особенно убитыхъ экземпляровъ, продающихся во всякое время года на Котляревской и нѣкоторыхъ другихъ станціяхъ Ростово-Владикавказской дороги. Перепелокъ встречается много близъ Нальчика, а крикъ одного перепела мы слышали, проѣзжая между хлѣбными полями аула Бизинги, на высотѣ около 5.000 ф.; нѣсколько гуртовъ сѣрыхъ куропатокъ вспугнули въ степной полосѣ Пятигорского округа, а черныхъ курочекъ (*Perdrix Chukar Gray*) видѣли на скалахъ недалеко отъ Уруслбіева аула. По лѣвой сторонѣ Баксана, версты на полторы ниже аула, ихъ можно найти всегда. Днемъ онъ держатся тутъ по камнямъ, заросшимъ мѣстами малиной, барбарисомъ и таволгой (*Spirea crenata*), а утромъ и вечеромъ спускаются внизъ и забираются даже въ хлѣбный пол. Во время преслѣдований онъ быстро взбирались на скалы все выше и выше, а когда послѣ этого мы оставляли ихъ въ покой, начинали громко перекликаться другъ съ другомъ. Въ концѣ юля мы видѣли цыплятъ, которые ростомъ значительно уступали родителямъ и не пріобрѣли еще ихъ красиваго оперенія. Они были покрыты однообразными сѣрыми перьями и имѣли на ногахъ и клювѣ едва начавшую краснѣть кожу.

Горная индѣйка (*Megoloperdrix caucasica Pall.*) попадается на всѣхъ большихъ горахъ недалеко отъ линіи вѣчныхъ снѣговъ, а кавказскій тетеревъ (*Tetrao Mlocosyewitcii*)—въ верховьяхъ Адыда и Баксана, на границѣ лѣсовъ и альпійскихъ пастбищъ.

Въ долинахъ Черека и Чегема, на высотѣ отъ 4 до 6 или 7 тысячъ футовъ, встрѣчаются скалистые голуби (*Columba livia*), но далеко не въ такомъ количествѣ, какъ во многихъ долинахъ Кубанской области. Коростель (*Carex pratensis*) на влажныхъ лугахъ, расположенныхъ у предгорій Кавказа, есть одна изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ, но онъ иногда поднимается въ горахъ и на довольно значительную высоту. Около аула Чегема и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, расположенныхъ на высотѣ

тысячу пяти футовъ, я нѣсколько разъ слышалъ его голосъ. Тутъ онъ выводить дѣтенышъ гораздо позднѣе, чѣмъ на равнинахъ; даже въ августѣ мнѣ приходилось много разъ находить на горныхъ лугахъ молодыхъ коростелей, покрытыхъ не перьями, а еще однообразными черными пухомъ.

На берегу одной небольшой рѣчки, впадающей въ Баксанъ, мы видѣли чернаго аиста (*Ciconia nigra* L.). Птица эта попадалась мнѣ также на Ардонѣ и прежде въ долинахъ Кубанской области, притомъ всегда на высотѣ отъ 2 до 3 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Хотя гнѣздъ аиста я не находилъ, но нѣсколько разъ наблюдалъ молодыхъ съ зеленоватыми еще ногами и клювомъ, а однажды видѣлъ совсѣмъ маленькаго птенца у одного моего знакомаго; поэтому не сомнѣваюсь, что эта птица размножается въ предгорьяхъ Сѣвернаго Кавказа. Чтѣ касается бѣлого аиста, то я не встрѣчалъ его ни разу. Сѣрая цапля живетъ по всѣмъ рѣчнымъ долинамъ, не поднималась, однако, въ верхнія области ихъ.

(*Buteo Ménétriesi* Bogd.) встречаются везде въ лѣсной области, а пустельга (*Certhneis cenchris*) даже на альпійскихъ пастбищахъ. Клушица (*Fregilus graculus* L.) и альпійская галка (*Rupplicorax alpinus* Viell.) живутъ по горнымъ ущельямъ, на высотѣ отъ 4 до 8 тысячъ футовъ, а иногда и значительно выше. На Эльбрусь и около ледника Бизинги я видѣлъ стада ихъ выше снѣжной линіи. Нѣсколько ниже встречается обыкновенный воронъ (*Corvus Corax*). Чаще можно видѣть его на высокихъ, безлѣсныхъ мѣстахъ въ родѣ тѣхъ, которыя находятся къ С. отъ Эльбруса. Тутъ онъ обыкновенно сопутствуетъ стадамъ и питается то падалью, то различными остатками и нечистотами. Гнѣзда его я находилъ въ нижней полосѣ лѣсной области. Обыкновенная ворона попадается только на небольшихъ высотахъ, а черноголовая сойка (*Garrulus Krinickii* Kolen.) во всѣхъ лиственныхъ лѣсахъ, растущихъ не только въ горахъ, но и на равнинахъ. Горная овсянка (*Hylaesypiza sia* L.) есть самая обыкновенная птичка горныхъ луговъ и лѣсныхъ опушекъ. Воробей домашній (*Passer domesticus*) и горный (*Salici-passer montanus*) встречается всюду въ горахъ, гдѣ только есть аулы. Весьма высоко въ горахъ поднимается альпійская завишка (*Accentor alpinus*). Ее мы видѣли на ледникахъ и на скалахъ у самой снѣжной линіи, а ея близкаго родича—лѣсную завиушку (*Accentor modularis*) нѣсколько ниже въ лѣсахъ и кустарникахъ.

Чеканы (*Saxicola oenanthe* и *Pratincola rubetra*) и черногрудка (*Ruticilla ochrura* Gm.) встречаются на скалахъ, на развалинахъ старыхъ башенъ и на лугахъ. Замѣчательно, что столь обыкновенный въ Кубанской области бѣлоголовый дроздъ (*Turdus torquatus*) и каменный дроздъ (*Petroscyncla saxatilis*) здѣсь очень рѣдки. Перваго я видѣлъ за все время путешествія только разъ, а послѣднаго три или четыре раза. Плиски (*Motacilla alba* L. и *Calobotes sulphurea* Bechst.) попадаются на берегахъ каждого горнаго ручья, крапивникъ (*Troglodytes parvulus*)—по лѣсамъ предгорій, а сорокопутъ-жуланъ (*Enneocotonus collaris* L.)—по полямъ, поросшимъ рѣдкимъ кустарникомъ. Сорокопутъ поднимается въ горахъ довольно высоко. Одинъ разъ я встрѣтилъ его около Урусбія на высотѣ 5.000 футовъ. Въ аулѣ Бизинги и Чегемѣ я видѣлъ еще оляпокъ (*Cynclus aquaticus*). Онѣ были очень смирны и часто садились на берегу ручья или на камняхъ, торчащихъ изъ воды, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ людей. Тутъ онѣ бросались въ воду и, ныряя, охотились за насѣкомыми. Вообще

олинки въ горахъ встрѣчаются не рѣдко и поднимаются весьма высоко. Я видѣлъ ихъ на ручьяхъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ледника. Удодъ (*Uria aalge*) изрѣдка попадается въ горахъ до высоты тысячъ $2\frac{1}{2}$ или 3 футовъ; на этой-же высотѣ я находилъ и его гнѣзда. По дорогѣ изъ Чегема къ Беллому мы поймали стрижка (*Cypselus melba* L.). Онъ сидѣлъ въ небольшой травѣ и былъ-ли больнымъ, или не могъ подняться изъ травы, но былъ взятъ просто руками. Другихъ стрижей (*Cypselus apus*) встрѣчали подъ Эльбрусомъ и въ долинѣ Черека.

Пресмыкающихся видѣли крайне мало. На плоскости встрѣчали зеленую ящерицу (*Lacerta viridis*) и *Eremias arguta* Pall. (*Podarcis variabilis* Ménétr.). Послѣдняя держится преимущественно на каменистыхъ и песчаныхъ склонахъ, въ горахъ-же по скаламъ живетъ *Lacerta muralis* Laur. Изъ змѣй нашли только мѣданку (*Coronella laevis*) въ долинѣ Черека на высотѣ тысячъ шести футовъ, а изъ амфибій—травяную лягушку *Rana temporaria* var. *oxyrhincha* и жабу *Bufo variabilis* Pall. Послѣднюю мы видѣли нѣсколько разъ въ Чегемѣ на высотѣ около 5.000 футовъ, а первую—почти во всѣхъ горныхъ лѣсахъ тысячъ до 6 футовъ надъ уровнемъ моря.

Изъ насѣкомыхъ я упоминаю только тѣхъ, которыхъ наиболѣе часто встрѣчаются на значительныхъ высотахъ. Къ нимъ, кромѣ изрядного числа дневныхъ бабочекъ (*Argynnис*, *Vanessa*, *Lysaena* и пр.), принадлежать жужелицы (*Carabus violaceus* и нѣкоторые другие виды), вертлячки (*Girinus mergus*), скакуны (*Cicindella monticola* Mén.), медляки (*Blaps mortisaga* и *B. fatidica*), хрущи (*Melolontha fullo*) и уховертки (*Forficula auricularia*). Наконецъ, слѣпни (*Tanypus*) и оводы во многихъ горныхъ лѣсахъ живутъ въ такомъ количествѣ, что дѣлаютъ югу по нимъ въ лѣтніе солнечные дни настоящей пыткой какъ для человека, такъ и для лошади. Они, однако-же, скрываются, какъ только солнце заходитъ за гору и въ лѣсу ложеть тѣнь. Чтобы избавиться отъ этихъ назойливыхъ насѣкомыхъ, горцы черезъ нѣкоторые лѣса юздаютъ въ лѣтнее время почти исключительно ночью.

Растенія высокихъ областей горъ отличаются болѣе или менѣе важными особенностями. Они никогда не достигаютъ значительной величины, не имѣютъ высокихъ стеблей и большихъ длинночерешчатыхъ листьевъ. Чтобы по возможности лучше противостоять холоду, всѣ части ихъ округлились и скучились. Та-

кая-же скученность замѣчается въ распределеніи отдельныхъ осо-
бей, которыя рѣдко сидятъ одинично, а большею частью соединяют-
ся въ группы по нѣсколько сотень, даже тысячъ экземпляровъ. Они
какъ будто бы нарочно тѣснятся и жмутся другъ къ другу, чтобы
сколько-нибудь согрѣть себя не только въ холодное время года,
но и въ далеко не теплый лѣтнія ночи. Мелкие листья ихъ или
очень грубы и тверды, или же, для защиты отъ холода, снаб-
жены густымъ покровомъ изъ длинныхъ переплетающихся вол-
осковъ. Большая часть этихъ растеній размножаются безполымъ
образомъ (клубнями, корневищами), потому что смена ихъ рѣд-
ко вызываетъ въ относительно короткое лѣто.

Изъ кустарниковъ въ верхнихъ областяхъ горъ растутъ ве-
рески (*Rhododendron*), низкорослая ива (*Salix arbuscula*), карли-
ковый можжевельникъ (*Juniperus nana*) и изрѣдка можжевельникъ
казачій (*Juniperus sabina*); чтѣ-же касается травянистыхъ расте-
ній, то ихъ несравненно больше. Я уже упоминалъ о маленькой
генціанѣ съ очень красивыми, темно-синими цвѣтами. Крошеч-
ныя, не болѣе дюйма высоты, *Draba scabra* Meyer и *Dr. imbricata*
Meyer, вместо листьевъ, имѣютъ небольшія чешуйки и, сильно
тѣснясь другъ къ другу, образуютъ группы въ тысячи недѣли-
мыхъ. Такими же особенностями отличаются и пѣкоторыя изъ
камнеломокъ (*Saxifraga laevis*, *S. exarata*). *Podospermum heterophyllum*, *Viola altaica* Pall., *V. biflora* L., *Anthemis Marchaliana*
Well, *Myosotis caespitosa* Sch., *Cerastium Kasbec*, *Alsine imbricata*
Meyer, *Drias octopetala* L., вместѣ съ упомянутыми выше, суть
самыя обыкновенные растенія, встрѣчающіяся не только на снѣж-
ной линіи, но и на непокрытыхъ снѣгомъ крутыхъ склонахъ,
лежащихъ выше нея. На мѣстахъ менѣе возвышенныхъ встрѣ-
чаются *Daphne glomerata*, *Juniperus communis*, *Sedum spurium*,
Anemone narcissiflora L., *Gnaphalium dioicum* L., *Lamium*, *Primula*
и множество другихъ растеній.

H. Динникъ.